

НОВАЯ МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

ТАТЬЯНА УСТИМЕНКО

СКАЗКИ КРУГОВЕРТИ

ПРАВО УЙТИ

На страже двух миров

Татьяна Устименко

Сказки Круговерти. Право уйти

«АСТ»

2014

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Устименко Т. И.

Сказки Круговерти. Право уйти / Т. И. Устименко — «АСТ»,
2014 — (На страже двух миров)

Это сказка дороги. Временами грустная, временами веселая. Иногда дерзкая, иногда нежная. Сказка о дружбе и любви, о долге и чести, о вражде и ненависти... Еще одна дорожная история, из тех о которых слагают баллады и которые так хорошо рассказывать ночью у костра. Кто-то будет слушать захлеб, а очевидцы скажут, что все было совсем не так. Но ведь на то она и сказка. И сплетутся в причудливый узор тень и свет, выдумка и правда, огонь костра и ночь, тишина и песня менестреля... Менестреля по имени Смерть.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Устименко Т. И., 2014
© АСТ, 2014

Содержание

Пролог	6
Часть первая	11
Глава 1	11
Глава 2	19
Глава 3	28
Глава 4	37
Глава 5	46
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Татьяна Ивановна Устименко

Сказки Круговерти. Право уйти

© Т.И. Устименко

© ООО «Издательство АСТ»

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Пролог

В этом году озорница-осень пришла в город необычайно рано, мастерски расцветив клены, испокон веков обрамляющие главную площадь Далеграда. Яркие резные кроны многоцветьем горели на фоне пока еще ясного неба. Нежаркое октябрьское солнце ползло к земле. Несколько широких листьев, подхваченных расшалившимся ветром, залетели в давно высохший фонтан и принялись играть в догонялки, так бестолково кружа по дну, словно стремились привлечь взгляд одной весьма странной личности, впрочем, не обращающей на них ни малейшего внимания. Интерес листьев объяснялся просто, ибо на шершавом сером бортике сидела совсем молоденькая девушка, красно-рыжим цветом волос не уступавшая соседним деревьям. Короткая встрепанная шевелюра казалась громадным кленовым листом, увенчавшим ее голову. Тонкие пальцы перебирали струны старенькой девятиструнной гитары. Слушателей не было, но певицу это, кажется, совершенно не смущало. Менестрелька негромко, но оттого не менее отчетливо, завела очередную песню:

Своей гордыней ослеплен,
Разумных слов глупец не слышит.
Быть правым может только он —
И так живет, и этим дышит.
Отбросив факты в пустоту,
В неправой сделке губит совесть.
И как опавшую листву
Сжигает чьей-то жизни повесть.

В доме напротив фонтана хлопнула дверь. Медная вывеска в виде глаза глухо брякнула по темным доскам. Барон Тарница вышел, а точнее – выскочил на улицу, пребывая вне себя от гнева. Два месяца он ждал аудиенции у лучшей ясновидящей Далеграда лишь для того, чтобы она повторила изречение, уже многократно слышанное от ее собратьев по ремеслу: младенец мужеска пола, нареченный Эданом, – есть родной сын господина барона и его безвременно скончавшейся второй жены, баронессы Эвелины. Не нагулыш, не ошибка природы, не подменный подкидыш (как предпочитал думать сам господин барон), а родной, законный и единокровный сын!

Нет, Йозеф Тарница никак не желал с этим мириться. Его сын не может быть рыжеволос! Ну и что, что не перенесшая родов супруга обладала медово-медными локонами! Ведь старший сын господина барона от первого брака, тоже, к несчастью, завершившегося смертью дражайшей половины, унаследовал черты отца. Кровь рода Тарница всегда оказывалась сильнее крови приходящей.

Над площадью плыл грустный мелодичный напев, непонятно к кому обращенный. Звонкий девичий голос отчетливо разносился в прозрачном осеннем воздухе.

Но рок, верша свою волшбу,
В лицо колодой карт швыряет.
Мы платим жизнью за судьбу —
Иль судьбой за жизнь, кто знает?
Пытаемся за Грань уйти,
Ведь что творим, не понимаем.
И вместо верного пути
Все бездорожье выбираем.

Барон невольно обернулся на звук. Молоденькая менестрелька, сидевшая на бортике фонтана, лениво перебирала струны. Слушателей вокруг не наблюдалось, и девушка играла, кажется, исключительно для себя. Тарница брезгливо поморщился и зашагал вниз по улице. Развелось бродячих певцов, словно собак нерезаных, и каждый норовит записаться в про-роки...

Правда, госпожа Эола, прозванная Глядящей Сквозь Время, оказалась единственной, кто рассказал Йожефу о дальнейшей судьбе его сыновей, и услышанное барону не понравилось... Ломкий, звонкий голосок, летевший в спину, заставил его ускорить шаг. Присутствовало в этой песне что-то тревожное.

Клубок из впечатлений дня —
Пути, подвластные немногим.
Лишь в неизвестность уходя,
Мы сможем расплести дороги.
Куда же совести приказ
Нас приведет, мой друг, с тобою?
Ведь мы, рискнув в сто первый раз,
Опять поспорили с судьбою.¹

На противоположном конце площади, прислонившись спиной к старому клену, стоял мужчина. Плотный темный плащ хорошо скрадывал фигуру, скрывая от любопытных взоров почти все подробности его внешности. Видно было только, что он не толст и довольно высок.

И вот что удивительно, в этом городе сей господин очутился как раз по воле того самого случая, о котором только что пела прозорливая менестрелька. Путешествовал он инкогнито, на постоянных дворах назывался каким-нибудь моментально придуманным прозвищем, а настоящего имени его за давностью лет уже никто не помнил. Сам же он предпочитал называть себя Гадесом и, однажды поставив себе цель обрести силу некоего всеми забытого древнего божества, уже не сворачивал с этого пути, справедливо полагая, будто волен властвовать не только над временем, но и над посмертием. К счастью или несчастью, дальше заимствования одного имени дело у него до сих пор не шло. Заметив рыжую певицу, он гадливо передернул плечами, словно увидел нечто особенно противное. Затем перевел взгляд на идущего через площадь барона Тарницу... Вот тот, кто ему нужен. Гадес криво усмехнулся. Итак, пришло время ему начать свою игру...

Духовные опоры этого мира, такие как честь, совесть и добро, давно подгнили — это Гадес понял еще тогда, когда рухнула Граница и разразилась грандиозная кровавая смута, вошедшая в историю как Война Двух Миров. Хотя нет, все начиналось отнюдь не так...

Когда-то, на заре времен, миром правили те, кто после жил лишь в сказках: стихии, духи, эльфы и множество иных древних существ, пришедших в наш мир тысячи лет назад, куда раньше людей. Эти Древние расы питали магию, они являлись основной ее частью, они творили — и мир жил. Но после них появились люди. Люди — мятущиеся души, последыши, подвластные коварству и порокам, жаждущие все перекроить под себя...

Магии им показалось мало, и человеческий мир принял иные законы — создал себе нового бога, как зеркало отражавшего их самих. Люди отринули магию своего мира, а вместе с нею и тех, кто ее хранил. Новая религия, словно лесной пожар, охватывала все больше и больше земель. Люди безжалостно переиначивали мир под себя. Все, что не вписывалось в рамки новой веры, яростно стиралось. Магия, пронизавшая само существо мира, начисто вымарыва-

¹ Здесь и далее стихи автора.

лась, словно строки из запретных книг. Равновесие добра и зла пошатнулось. Чтобы спасти то, что еще оставалось от их бытия и души, Древние расы решились на рискованный шаг и разделили мир надвое – скрывшись от человеческих взоров. Так возникла незримая энергетическая Граница – непрозрачная стена, на долгие столетия скрывшая магию и её хранителей от людей. Но такое решение оказалось палкой о двух концах. Магия, текущая в мире подобно крови, не горела, а едва теплилась, с каждым днем грозя угаснуть окончательно. Те, кого некогда величали богами, утратили интерес к окружающему, разжирели, обленились, и потребовалась недюжинная встряска, чтобы расшевелить их, заставить снова что-то делать. Так и случилось...

Шел 1985 год от рождества Христова. Граница, воздвигнутая некогда Древними, пала по недосмотру обленившихся богов – явив миру тех, кто так долго скрывался от людских глаз... И тогда грянула война, которой ещё не знало человечество. Война Двух Миров. Магия схлестнулась с пулями и напалмом, заклятия оказались не менее действенными, чем пулеметные очереди. Триста лет длилось безумное противостояние, но не было в нем ни победителей, ни побежденных. И вот летом 2285 года измотанные бессмысленной войной стороны заключили перемирие. Но миру уже не было суждено стать прежним. Магия, будто река, которую много лет сдерживали плотиной, хлынула в старое русло, смывая смертную пыль и вливая в опустевшие вены новую жизнь. Война перекроила привычную географию. Границы прежних государств стали несущественны, все – кроме тех, что ныне разделяли Территорию древних, Нейтральную зону и Человеческие земли.

Но, похоже, той кровопролитной встряски оказалось недостаточно, и история вновь пошла по кругу... В мир снова вернулось зло! Гадес, размышляющий о сущности бытия, негодуя сжал кулаки. Ту женщину, что научила его любить, безжалостной волной накрыла и утатила война. Война, которой можно было избежать, если бы первоначальные творцы мира, называемые Столпами Стихии, прислушались к его словам. И тогда, похоронив любимую, он взошел на Асов курган, место упокоения величайших героев прошлого – павших в Войне Двух Миров, и поклялся, что не допустит повторения этого ужаса... Не допустит любой ценой! А теперь он вынужден наблюдать, как с каждым годом приближается новая катастрофа, ибо все меньше оставалось в этом мире созидающей энергии, все меньше творилось того, что некогда называли *чудесами*. О да, Гадес – Хранитель Времени – чувствовал этот необратимый процесс всем своим естеством. Но если грядущее светопредставление невозможно предотвратить, то нужно хотя бы сделать его контролируемым. Заставить божественных лежебок расшевелиться и при этом дергать за ниточки их противника... Хранителю времени срочно понадобился послушный исполнитель сего действия, и, кажется, он его нашел, ведь сейчас искомый посредник как раз проходил мимо облюбованного Гадесом клена...

– Господин Тарница, если не ошибаюсь? – негромко окликнул он барона, выходя из-за дерева.

– Ну? – набылчился барон, совершенно не стремившийся к общению неизвестно с кем.

– Кажется, визит к провидице совсем вас не порадовал, – прозорливо усмехнулся Гадес. – Да и кому приятно услышать, что его любимое чадо сляжет, едва достигнув двадцати лет, и возможно, ужас-то какой, даже умрет.

– Кто вы такой? – начал звереть Тарница. – Откуда вам это известно?!

– Вы можете звать меня Гадес. А известно мне не только это. Еще, например, ведомо, что у вас имеется и младшенький сыночек, коего вы никак не решитесь признать своим...

– И чего? – господин барон неприязненно рассматривал странного собеседника. На вид лет тридцать, хотя черт его знает, глаза-то колючие стариковские, или... наоборот, восторженно-юношеские? Тарница озадачено потряс головой и вновь уставился на вежливо улыбающегося Гадеса. Да нет, обычные глаза, цвета зимнего неба в погожий январский денек, и такие же холодные, даже, пожалуй, слишком, бр-р-р...

– А то, что я могу помочь вам избежать предсказанных неприятностей, – странный собеседник многообещающе улыбнулся. – А для предотвращения несчастья мне всего-то и нужен этот несчастный, не принятый вами ребенок...

Подобное предложение повергло Йожефа в некоторую растерянность, но ненадолго. Избавиться от бастарда (а в том, что этот младенец бастард, он не сомневался) – что может быть лучше?

– Забирайте, – буркнул он.

– О. – Гадес удовлетворенно потер руки. – Заключим сделку. Как только придет назначенное время и бастард достигнет принятого в ваших местах возраста совершеннолетия, я заберу мальчика, а взамен ваш старший сын останется жить.

– Отчего бы вам не забрать этого ублюдка немедленно? – сварливо осведомился барон.

– Увольте, друг мой, зачем мне грудной младенец? – в притворном ужасе замахал руками Гадес. – Теперь выбор только за вами.

Тарница недобро прищурился. Еще шестнадцать лет терпеть этого ребенка в своем доме... Ну, если только ради благополучия Кристофа!

– Ладно, – нехотя согласился он. – Заключим сделку.

– Надеюсь, вы пригласите меня в дом? Подписывать подобные договоры на улице – дурной тон. К тому же мне понадобятся бумага, чернила и непосредственно предмет сделки. Или вы думали, что я потребую от вас крови? – насмешливо заломил бровь собеседник.

Кстати, именно об этом Тарница и подумал, но виду не подал...

– Кровавые подписи есть не более чем глупая выдумка авторов дешевых мистических романов, столь популярных среди смертных. К тому же я не против пропустить стаканчик вина за удачную сделку, – продолжая городить прочую нагловатую чушь, Гадес думал о своем. К шестнадцати годам из несчастного ребенка выйдет отличная заготовка с прекрасным сочетанием страха, злобы и ненависти. Насколько он успел рассмотреть барона, тот не поспешил на пинки и щипки нелюбимому чаду, и Гадес получит хороший материал для будущей марионетки. А направить всю скопившуюся злость в нужное русло станет делом техники, как и подбросить мальчишке идею дальнейших действий. Он ухмыльнулся своим мыслям. О да, это заставит богов расшевелиться! А когда все будет исполнено, куклу уберут в сундук...

– ...может, стоит и нам вмешаться?

– Тебе бы только вмешиваться! Знаю я вас, молодых да ранних!

– Пусть все идет своим чередом!

Сия незамысловатая перепалка происходила неподалеку от того самого места, где ещё недавно Гадес разговаривал с бароном. Три женщины, стоя под старым разлапистым кленом, спорили о прошлом, настоящем и грядущем. Самая старшая, чьи волосы уже посеребрила седина, сердито глядела на самую младшую, чьи тугие золотистые косы подобно двум толстым змеям спускались на грудь.

– Пусть все идет своим чередом, – веско повторила средняя, примиряющее вставая между двумя рьяными спорщицами.

– Как мы можем вмешаться, если у этого младенца ещё и прошлого-то толком нет! – ворчливо отозвалась старшая.

– Если мы не вмешаемся, то у него и будущего не будет, – сварливо огрызнулась младшая, не спеша примиряться.

– Зато у него имеется настоящее, в котором он плачет, пачкает пеленки и хочет есть! – вновь оборвала её средняя. – А в его судьбу и без нас найдется кому вмешаться.

– Только не говори, что эта рыжая пигалица и здесь сунет свой курносый нос, – старшая женщина недовольно поморщилась. – Она и так уже довольно путала нашу кудель!

– Прясть надо тоньше, вот тогда и не сунется Слепая Гостья наши огрехи расплетать, – раздраженно огрызнулась миротворица. – Пусть все идет своим чередом. Ведь сколько веревочке ни виться...

И все трое многозначительно усмехнулись, спрятав в уголках губ конец этой старинной фразы. Три сестры, три старшие норны², медленно истаяли в прозрачном осеннем воздухе.

– Нет, ничего нельзя изменить. Что спрядено, то спрядено, – недовольно поджав тонкие старческие губы, думала справедливая Урд, ибо она отвечала за прошлое всех и вся.

– Ничего, я ещё поборюсь за его будущее! – ожесточенно размышляла упрямая Скульд, ведь она ведала грядущим.

– Пусть все идет своим чередом, – решила добросердечная Верданди, тепло улыбаясь своим мыслям, потому что лишь она распоряжалась нашим настоящим.

² Норны – в германо-скандинавской мифологии три женщины, волшебницы – наделенные чудесным даром определять судьбу мира, людей и даже богов. Хранительницы мирового равновесия.

Часть первая

О вреде и пользе заключения договоров

Глава 1

Тусклый свет восходящего солнца вяло пробивался в комнату сквозь плотные портьеры, еще больше усиливая гнетущую атмосферу, царившую в спальне. Мастер демонолог, досточтимый мэтр Хельги Криэ, осторожно, чтобы не потревожить ран, подтянулся на постели, помогая себе свободной от повязок левой рукой. Правая рука, грудь и лоб скрывались под бинтами, пропитанными заживляющей мазью. В комнате тяжелой пеленой висел запах лекарств. Пожалуй, не стоило соглашаться на тот сомнительный заказ... Едва ли не впервые поправ свою причуху – не зная брода не соваться в подозрительные склепы, он чуть не поплатился жизнью. Выручили многолетняя практика и проверенный напарник, уже не единожды составлявший заклинателю компанию в подобных сомнительных предприятиях. Но, как говорится, хорошая мысль приходит опосля. И теперь в архив Высокого дома Скрипто, куда он предпочел бы наведаться лично, придется отправиться так и норовящей впутаться в неприятности Иленке и ни черта не понимающему в магических делах Энгарту. При всех своих достоинствах, ни в чем колдовском, кроме оружия для охоты на демонов, напарник Хельги не разбирался.

Возле кровати, ожидая последних указаний мэтра, стояли черноволосая девушка и крижистый мужчина средних лет. Аккуратно подстриженная русая борода обрамляла широкое симпатичное лицо.

– Пап, может, я лучше останусь? – участливо спросила девушка, присаживаясь на край кровати. – Мастер Энгарт и сам может съездить.

– Нет, – Криэ отрицательно покачал головой и тут же поморщился. – Скрипто знают тебя, а Энгарта увидят первый раз в своей жизни. К тому же ты хотя бы относительно представляешь, что следует искать в их бумажных залежах. Документы, касающиеся территории пустыря, нужны мне как можно быстрее, пока градоправитель не начал это чертово строительство! – по щеке демолога заструился пот. – Считай, что это твоя преддипломная практика. Так ведь, Энг?

– Думаю, что после грядущей поездки ее обучение у меня можно будет считать законченным, – усмехнулся в усы мужчина. Гениального мечника за несколько лет тренировок из Иленки так и не вышло, но для необходимой самообороны хватит, а уж для того, чтобы упокоить излишне ретивую нежить, и подавно.

Хельги нахмурился, вспоминая, что послужило толчком к планируемому путешествию за тридевять земель. Запланированное градоправителем строительство уже давно сидело у господина демолога в печенках, вместе с расфуфыренным главой города и его неизменным посыльным, время от времени появлявшимся в доме Криэ...

– Вот... и хорошо. – Хельги облизнул пересохшие губы, пытаясь удержать ускользающее сознание. – У нас три недели в запасе, но лучше бы вам поторопиться. Надеюсь, за это время я полностью поправлюсь...

– Договорились. – Иленка успокаивающе погладила отца по руке. – Выздоровливай, мы скоро вернемся.

Хельги дождался, пока за гонцами закроется дверь, и обессиленно сполз на подушку. Клинок в ножнах у изголовья недовольно задрожал, показывая, какого он мнения обо всем этом.

– Да ладно тебе каркать, – пробормотал демонолог, чуть повернув голову в сторону оружия, – все будет в порядке.

Меч, конечно же, ему не поверил, издав звук уж больно напоминавший саркастическое фырканье.

– Ну и пес с тобой... – буркнул Хельги, окончательно проваливаясь в лихорадочное забытьё...

* * *

Две недели спустя...

Изнывая от жары под раскаленными лучами злого июльского солнца, истекая реками пота и ежесекундно прикладываясь к фляге с водой, по дороге на славный город Далеград, который находится на территории Древних рас, чуть сутулясь под тяжестью ноши, загребая разношенными сандалиями мягкую горячую пыль, брела... Смерть.

Только вот вряд ли кто-то признал бы Слепую Гостью, ибо не было при ней ни черного полуистлевшего балахона, ни зазубренной косы; да и на выбеленный временем скелет с ядовито-зелеными огнями в глазницах она походила слабо. Куда больше она смахивала на миловидную девушку-подростка лет шестнадцати, худенькую и красно-рыжеволосую, с конопущками на курносом носу и огромными, чуть наивными синими глазами. Но не стоило обманываться этим милым обликом – по дороге шла самая настоящая Смерть. И то, что Ступающая Неслышно в реальности оказалась весьма далека от фольклорных о себе представлений, совершенно ее не заботило, а напротив, играло на руку. За плечами у нее, в черном матерчатом чехле на широких лямках, болталась гитара, ставшая в такую жару непосильной ношей и жегшая спину не хуже адского пламени.

Люди звали ее по-разному: Слепая Гостья, Госпожа Смерть, Бледная Дева (однако вряд ли кто-то рискнул бы назвать ее бледной, столкнись они нос к носу). Сама же она предпочитала имя Арьята, пусть оно и досталось ей по ошибке. Но ни случайный крестный, ни сама крестница ничуть не возражали против сего маленького недоразумения, решив оставить все так, как есть.

Шагах в четырех перед нею, взбивая пыль рифлеными подошвами сапог, бодро вышагивал верный ее Поводырь – высокий, ладно сложенный мужчина лет двадцати семи – тридцати, в черной безрукавке и таких же штанах. За плечами у Поводыря болтался выдавший виды тощий пятнистый рюкзак. Светлые, стального оттенка волосы были заплетены в косу, свисавшую вдоль рюкзака чуть не до копчика. Длинная челка, разделенная на две пряди и оплетенная красной тесьмой, эффектно обрамляла узкое загорелое лицо.

Завистливо поглядывая на него (вот ведь циркуль длинноногий – жарит как в преисподней, а ему хоть бы что!), Арьята возмечталась, чтобы данный субъект послужил не только ее Поводырем, но и Извозчиком, а точнее, Износчиком тоже, о чем не замедлила ему сообщить. В ответ на такое предложение Поводырь ехидно заметил, что тут его и похоронят, погребенного под смертной тяжестью. А посему Смертушке ничего не оставалось, кроме как топтать ножками самостоятельно. И ножки всю поносили свою нерадивую хозяйку за такое непотребное с ними обращение, обещая после следующего привала отказать вообще.

Вскарабкавшись вслед за Поводырем на холм, Арьята знаком потребовала остановиться и, упершись руками в колени, тщетно пыталась восстановить сбившееся дыхание. Горячий воздух противно царапал пересохшую гортань. Девочка с надеждой приложила к горлышку фляги и жадно выхлебнула оставшиеся полтора глотка тепловатой воды, вытрясая в рот последние капли.

– Дождя... – жалобно просипела она, – хочу дождя... Причем его должно излиться много, можно даже с громами, молниями и наводнением, иначе изойду на пот, и мир останется без Смерти...

– Разве это так плохо? – иронично усмехнулся Шириган Йонсу, ее верный Поводырь. Он обернулся к своей вedomой, и стало видно, что один глаз мужчины скрыт черной повязкой. Второй же как ни в чем не бывало хитро шурился на заливавшее землю солнце.

– Это с какой стороны посмотреть, – тоном, более подходящим для философского диспута, нежели для дорожной беседы, провокационно заметила девчонка. – Если с моей, то просто отвратительно, а остальные меня не интересуют. Да и тебя жалко... будешь ведь плакать по бедной маленькой Смертушке, безвременно покинувшей своего верного Поводыря. Как-никак почти девятьсот лет вместе... Так будешь плакать?! – она дернула его за оплетенную красной тесемкой прядь.

– Придется взрыднуть, – покладисто согласился Шири, лишь бы шkodливая менестрелька перестала посягать на святое, – но тихо и недолго, потому что смысла нет оплакивать вечное существо, хоть я к тебе и привязан, daeni³.

– У-у-у... злюка! – насупилась Арьята. – И вообще, я устала, пить хочу и меня сейчас солнечный удархвати-ит, а тебе все равно-о-о... – захныкала она.

– Ма daeni, одно твое слово – и мы вернемся в Круговерть немедленно, не стирая подошв, не сбивая ног и не попирая пыльный тракт, бегущий среди поросших вереском могил... – Шири указал рукой на покрытую лиловым кустарником Курганову пустошь, с которой они только что взобрались на холм.

– Нет, – запротестовала Арьята, – ну прилетим мы на крыльях ветра в Круговерть, и что? Ладно ты... снова в карты с Ловкачом резаться примешься или с питомцами Мелисы возиться. В конце концов, хоть с Тарой наругаешься всласть... А я что буду делать? Есть и спать? Скукотища... А я хочу приключений. Дайте мне приключения, немедленно! Так что уж лучше изнуряющий поход во славу скромных нас, чем глухая тоска и безделье... Да здравствуют дороги и путники! – пафосно провозгласила девочка, воздев руку к небесам.

– Аминь, – закончил за нее Шири, начиная спускаться с холма и стремясь отогнать настырную мысль о том, как хорошо было бы очутиться сейчас под сводами родной Круговерти, где царили свежесть и прохлада. Обиталище Смерти, расположившееся аккуратно на Грани между пространственными слоями, не зря звалось Круговертью: в зависимости от настроения владелицы поворачивалось оно к живому миру то вычурным замком из серого и бежевого камня, а то мрачными развалинами, на подходе к которым то и дело показывались из гравия выбеленные временем черепа...

Честно говоря, перспективы интересного времяпрепровождения в компании иных коллег, так радостно озвученные Арьятой своему верному Поводырю, самого Шири отнюдь не развеселили. Что толку играть в карты с Ловкачом, если обставить матерого шулера, и к Смерти-то угодившего из-за карт, невозможно. С Мелисой же и ее питомцами все обстояло намного сложнее... Как целительница, до последнего спасавшая чужие жизни во время очередного чумного мора, угодила в Поводыри Смерти, одному небу известно. Кажется, Арьята сама ей предложила, когда та лежала при смерти. И с тех пор Мелиса присматривала за душами погибших детей, которые, попадая в Круговерть, становились очень даже материальными. Но, как ни странно, именно в крыле замка, принадлежащем целительнице, Шири и проводил больше всего времени. Однако сейчас ему требовалась передышка от шумного Мелисиного питомника. А Тара... О да, не поругаться с ней означало – день прошел зря. И место ей, по мнению Шири,

³ *Daeni* – обращение к особе женского пола на Старшей речи. Многофункциональное по значению. В зависимости от того, кто и с какой интонацией произносит, может означать и «госпожа», и «любимая», и «сестра». В данном случае наиболее близкий перевод – «сестренка» или «малышка» (Прим. авт.).

было не в Круговерти, а где-нибудь в преисподней. Сейчас Поводырь очень хорошо представлял пресловутую охотницу на предателей, живо гоняющей чертей меж котлов. Он тряхнул головой, избавляясь от воспоминаний, и обернулся проверить, идет ли менестрелька за ним. Медленно, но уверенно Арьята плелась сзади.

– Ши-ы-ри... я пить хочу... – тут же заканючила она, заметив, что на ее смертельную особу обратили внимание.

– И чего дальше? – равнодушно осведомился Поводырь.

– Воды бы...

– Daeni, на вершине холма ты допила мою флягу, а твоя опустела еще полчаса назад, – жестко отозвался мужчина.

Смерть, тяжело вздохнув, продолжила ковылять за ним следом, сетуя себе под нос на жестокосердие некоторых отдельно взятых сынов рода человеческого.

За холмом начинался лес. Подвялившиеся под жарким июльским солнцем кроны деревьев застыли в ожидании хотя бы легонького порывчика жаркого суховея, способного медленно, но верно пригнать полные испаренной влаги тучи, гулявшие невесть где и не желающие поделиться накопленным запасом воды. Лес был непривычно тих – вся обычная для такого времени живность либо попряталась в самый непролазный бурелом, лишь бы подальше от жары, либо впала в непривычную дневную спячку.

– Шири, у меня не только самая печальная, но и самая скучная работа в этом грешном мире, – посетовала Арьята в спину Поводырю, чтобы хоть как-то отвлечься от мыслей о воде, – сонное царство, летаргическая империя... Где вал опасностей и приключений, о которых можно рассказать на дружеских посиделках у очага? Где бесстрашные герои, о которых можно сложить баллады?! Эх, жизнь моя, жестянка...

– Daeni, не буди лихо, пока оно тихо, – вкрадчиво посоветовал мужчина. Ибо приключений, до сего дня густым дождем выпадавших на голову неугомонной Смертушки, хватило бы с лихвой не только на целый батальон героев, но и на их потомков до седьмого колена.

Подлесок с шелестом сомкнулся за спинами путников. Едва заметная тропка уходила дальше в лес, под сень деревьев. В воздухе чуть слышно разлился какой-то неясный приторный душок, резко выделяющийся среди обычных лесных запахов. Шири это не понравилось, но сейчас наполнить фляги значительно важнее, нежели принохиваться непонятно к чему. А тут, если ему не изменяет память, вскоре должна показаться поляна с лесным родником.

Поводырь потянулся к ветвям орешника, чтобы раздвинуть их и выйти на открытое место, но рука застыла в миллиметре от цели, а пальцы сомкнулись на вялой листве...

– Ш-шайтан... – прошипел он, отступая на шаг назад.

Продолжая рассуждать о несправедливости бытия, Арьята врезалась ему в спину.

– Ай... – пискнула девочка.

– Daeni, ведь говорил же... не буди лихо...

Арьята с любопытством выглянула на поляну. Солнце заливало ее ярким светом, из-под корней старого дуба бил родник, а на траве лежало несколько окровавленных тел. Теперь становилось ясно, что это за приторный дух разлился по округе – в воздухе уже отчетливо пахло кровью.

– Ой, – сдавленно ойкнула Арьята.

– Ой, – согласился Шири, – однако вот к чему приводит вовремя неутоленная жажда...

– Нельзя быть таким циничным, – тихо и абсолютно серьезно откликнулась девочка.

Вместо ответа Поводырь просто шагнул на поляну и застыл, будто налетев на невидимую стену.

– Шайта-ан... – простонал он, понимая – среди мертвых тел есть еще живой, но уже умирающий, отчаянно цепляющийся за жизнь и не осознающий, что она уже завершилась. А это грозило появлением очередной неприкаянной души и, как следствие, всевозможными

неприятностями на голову местного лешего и всех, кто рискнет сунуться в лес. Шири, мрачно сплюнув, швырнул в траву болтавшийся за плечами рюкзак и перевязь с мечом.

Арьята отступила на шаг, зная, что именно сейчас произойдет. Находиться рядом с Поводырем в момент перехода на Грань не рисковала даже она...

Шири резко выдохнул, избавляя легкие от воздуха, и почувствовал, как от груди по всему телу острыми иглами расплзается холод и он перестает существовать среди живых; как окутывает его мгла Грани и белесые пальцы сжимаются на рукояти косы. Единственный глаз мертвенной зеленью светился во впалой глазнице...

Умиравший лежал возле родника. Грудь его, перетянутая окровавленной неряшливой повязкой, едва заметно вздымалась.

– Ша-айта-ан! – заунывно выругался Поводырь, понимая, что в живых остался кто-то еще. Ведь перевязали же этого несчастного...

Шири присел возле умирающего на корточки. Мужчина с трудом разлепил глаза и попытался что-то сказать. Когда люди ступают на Грань, они видят то, что живым недоступно. Окровавленные пальцы с недюжинной как для живого, так и для смертельно раненного силой вцепились в черную полуистлевшую безрукавку.

– Защити... учени... помоги... е...

Поводырь ощутив, как чужие пальцы прожигают в груди дыру, попытался вырваться, но не тут-то было.

– Да! – взвыл он. – Сделаю, все сделаю! Отпусти...

Жгущие плоть пальцы разжались, оставляя на безрукавке кровавый след. Шири резко прынул назад и занес косу...

– Прочь от него, погань! – разодрал тишину Грани пронзительный вопль, и что-то грязное, всклокоченное, выскочив из-под корней дерева, словно черт из табакерки, кинулось на Поводыря и сбило с ног. От неожиданности тот даже не подумал сопротивляться.

– Ты... ты как меня видишь?! – ошеломленно выдавил он, за шкуру отдирая от себя паренка лет пятнадцати и понимая, что видеть его тот как раз и не должен.

– Прочь от него, поганый умри! – завизжал парнишка, и, рванув из наплечных ножен меч, попытался рубануть Поводыря по плечу.

Шири, отшвырнув косу, едва успел перехватить клинок.

– Умри? – удивленно вытаращился он на храброго юношу, догадываясь – его спутали с кровожадной нежитью.

– Не смей его трогать... – надрывался паренек.

Поводырь не нашелся, как нужно ответить, – продолжая недоуменно пялиться на горегероя и напрочь позабыв, что для живого человека сейчас его прикосновение может быть смертельно. Мальчишка тем временем все больше бледнел. Поводырь, находящийся на Грани, стремительно выкачивал из живого силы, сам того не желая...

Тут Арьята, доселе стоявшая в стороне, решила, что пора вмешаться.

– Ши, да отпусти ты, наконец, этого несчастного! Ему еще жить и жить, а ты мальчишке жизнь укорачиваешь!

Сообразив, что к чему, Поводырь покорно разжал пальцы на воротнике юноши, и тот бездыханным кулом рухнул на траву. Переступив через обморочное тело и подняв косу, спутник Смерти вновь приблизился к умирающему... Тускло блеснуло лезвие, перерезая нить, соединявшую душу и тело. Шири почувствовал, как коснулся щеки легкий порыв ветра, разошлась и сомкнулась мгла за спиной...

Поводырь глубоко вдохнул, заставляя смертный холод отступать и сжиматься до маленькой ледяной искорки в груди. По телу прокатилась теплая волна, разгоняя застывшую кровь. Шири даже порадовался, что сейчас на дворе стоит несусветная жара, мигом вернувшая телу чувствительность.

Солнце вновь окрасило мир в живые цвета. Он потряс головой, избавляясь от противного звона в ушах – неизбежного явления после возвращения с Грани.

– Даenі, ты все еще хочешь пить? Родник там. – Шири махнул рукой в сторону дерева. Мирный плеск воды казался чем-то потусторонним на залитой кровью поляне, напрочь отбивая желание к нему приближаться.

– Да нет, почему-то расхотелось уже, – зябко повела плечами Арьята. – Давай-ка уйдем отсюда поскорее... Э-э-э, и ребенка этого несчастного тоже заведи! – добавила она, наблюдая, как спутник цепляет на пояс меч и закидывает за спину пятнистый рюкзак, брошенный им при выходе на поляну.

Поводырь скептически посмотрел на распластанного перед ним юношу. Ему не очень-то хотелось связываться с человеком, способным разглядеть его на Грани. Это какими же ментальными способностями нужно обладать, что вот так запросто вывалиться из живого мира на черту между реальностями и накостылять, ну, или почти накостылять Поводырю Смерти по шее?

– Шири, не будь букой, – с нажимом произнесла девочка.

– Ладно, ладно, даenі, но в случае чего я снимаю с себя всякую ответственность! – мстительно проворчал он.

– Ты и так не слишком ею обременен, – фыркнула Арьята.

Он недовольно засопел, но все же поднял бездыханное тело на руки.

– Ты иди, я догоню, – напутствовала его девочка, вскидывая руки и заставляя землю расступиться под телами.

– Земля дала, земля взяла! – отрывисто бросила она, наблюдая, как смыкается дерн над погибшими...

Раскаленное солнце, перевалив через зенит, медленно и лениво ползло к горизонту, сменяя жаркий плавающий день на не менее жаркий и душный вечер. Но кровожадным лесным комарам было, кажется, наплевать на духоту. Стоило дневному светилу откатиться к горизонту, как чувство голода выгнало маленьких кровопийц на охоту. Завидев бредущих к озеру усталых путников, оголодавшие комары накинулись на вожака, за что немедленно оказались вознаграждены громкими аплодисментами и ругательствами злого, измотанного Поводыря Смерти.

Когда они вышли на берег тихого лесного озера, Арьята уже едва переставляла ноги. Спеша убраться с памятной поляны, они так и не набрали воды. А несколько часов блужданий по лесу совсем измотали менестрельку. Шири тоже порядком устал. Его ноша, так и не соизволившая прийти в себя, уже изрядно оттянула Поводыря руки, и мужчина с облегчением бесцеремонно свалил паренька на расстеленный плащ.

– Вода! – жадно просипела Арьята, тыча пальцем в сторону озера. – Кто куда, а я купаться! – с этими словами, быстро стащив рубашку и шорты, девочка бодрым шагом направилась к озеру. Гитара небрежно валялась на траве.

– Даenі, ты так уверена в безопасности сих темных вод? – скептически осведомился Шири, поднимая инструмент и прислоняя его к стволу дерева.

– Плевать! – беззаботно откликнулась Смерть. – Русалки скорее предпочтут тебя, а кракену я на один зуб, не станет он размениваться на такую костлявую мелочь. Кстати, тебе бы тоже не помешало освежиться...

– Что за грязные намеки?! – насупился он.

– Это намеки на грязь, милейший... – рассмеявшись, девочка с визгом окунулась в нагретую за день воду.

Пробормотав что-то неслестное по поводу воспитания некоторых малолетних особ, Шири занялся костром. Через несколько минут вернулась Арьята, неся в свернутом листе кувшинки

пригоршню воды, которую не замедлила вылить Поводырю за шиворот. От неожиданности тот шарахнулся в сторону и растянулся на траве.

– Даєні, что ты творишь?! – возмущенно закричал он.

– Ага, попался! А ну, марш купаться, нежить! – заливисто хохоча, отозвалась девочка.

– Это кто тут нежить?! – грозно поднялся Поводырь, надвигаясь на Арьяту. Та отскочила и смешно сморщила нос.

– Ну, точно, нежить! Вон и запахок уже характерный исходит!

– Зато комары есть побрезгуют! – откликнулся Шири, с грустью вспоминая далекие средневековые времена, когда мыться разрешалось только по большим праздникам. И гигиенические процедуры не отвлекали людей от более важных проблем.

– Я предпочитаю чистого тебя и комаров, нежели грязного, но без них, – фыркнула Арьята, обходя его с подветренной стороны. – Так что марш в воду, грязнуля!

Недовольно ворча себе под нос, Поводырь принялся нехотя стаскивать безрукавку.

– Шайтан... – со стоном выругался он, заметив с левой стороны груди следы пальцев, слившиеся в замысловатый узор из запекшейся крови.

– Что случилось? – встревожилась девочка.

– Он меня запечатал! Этот паршивец запечатал меня знаком последнего желания! – Шири опустил на траву, горестно обхватив голову руками.

– Кто, кто тебя запечатал? – склонилась над ним Смерть.

– Этот негодник, все никак не решавшийся испустить дух сегодня на поляне! – воскликнул Поводырь. – Он требовал, чтобы я защитил его горе-ученика! Вцепился в меня, словно клещами...

– И ты согласился исполнить последнюю волю, – догадалась Арьята.

– Пришлось... – вздохнул Шири. – Но я и помыслить не мог, что он меня этой волей запечатает!

– Шири, естественно, ведь в тот момент вы оба стояли на Грани... О чем ты думал?! – простонала девчонка, понимая, что хвататься за голову уже поздно.

– Его пальцы жгли, словно раскаленные щипцы, – попытался оправдаться тот, – и думал я только о том, как бы мне вырваться, пока он во мне сквозную дырку не проплавил!

– Бедный... – девочка сочувственно провела рукой по его волосам. – Ну, ничего, что-нибудь придумаем, утро вечера мудренее. Печать последней воли – это плохо, но не смертельно. Иди, купайся...

Шири, поминая незлым тихим словом всех виновников происшедшего, полез в воду. Дно оказалось хорошее, твердое, крупитчатый ил тонкими струйками просачивался сквозь пальцы. Тихое озеро настраивало на умиротворяющий лад. Зайдя по пояс, он бесшумно нырнул, вынырнув уже на изрядном расстоянии от поросшего осокой берега. Мокрая, отяжелевшая коса так и норовила попасть под руку, мешая плыть. Изловчившись, Поводырь стянул ремешок и распустил волосы, тут же расплывшиеся за плечами белесым прядевом. Отрациваемые сначала исключительно во исполнение обета, со временем они превратились в личную гордость Поводыря и предмет зависти его верной вedomой. Обет сейчас, с высоты прожитых столетий, казался ему совершенно дурацким, и единственным плюсом его исполнения так и осталась отпущенная за эти годы грива. Сначала ее было негоже обрезать, а после свершения задуманного стало жалко. Так постепенно она и доросла до теперешней длины...

В отличие от Арьяты, не высидевшей в воде и десяти минут, Шири плавал долго, умудрившись доплыть до противоположного берега и вернуться обратно. Когда он выбрался из воды, в лесу окончательно воцарилась душная ночь. На берегу потрескивал небольшой костерок, разведенный скорее для отгона комаров, нежели для тепла. Отжав мокрые тяжелые волосы, Поводырь блаженно вытянулся на траве, пристроив голову на коленях у Арьяты. Та мгновенно запустила пальцы в длинные мокрые пряди товарища. Эта грива уже давно стала

предметом ее глубокой зависти – длинные, густые и мягкие волосы, так не похожие на ее собственную короткую, вечно всклокоченную рыжую шевелюру. Смерть вооружилась гребнем, принявшись разделять их на тоненькие прядки, с коварным намерением наплести из вожденной гривы косичек. Поводырь, обычно пресекавший эти попытки на корню, успел разомлеть настолько, что не обратил на поползновения менестрельки никакого внимания.

– Даені, ну вот скажи, на кой мне сдался этот выюноша бледный со взором горящим, как будто у меня других проблем нет... – тоскливо произнес Шири, млея под тонкими пальцами Арьяты, перебиравшей его волосы.

– Не переживай, – спокойно откликнулась она, начиная, при полном попустительстве со стороны Поводыря, осуществлять свой хитрый парикмахерский замысел. – Доведем парнишку до ближайшего города, и на этом твоя миссия закончится...

– Угу... – довольно согласился он, едва не мурлыкая от удовольствия. – Завтра вечером будем в Далеграде.

– Мхм, – невнятно согласилась Арьята, полностью погрузившись в плетение косичек и начав негромко напевать себе под нос.

Тихий напевный голос убаюкивал, и Шири не заметил, как провалился в сон. Лицо Поводыря разгладилось. Казалось, теперь даже шрамы, пересекавшие щеку и поврежденный глаз, не так резко выделяются на смуглом лице. Девчонка, продолжая перебирать волосы спутника, мурлыкала себе под нос простенький мотивчик старой как мир «Колыбельной дорог»:

Зажигая сотни звезд,
Ночь свои крыла расправит —
Да задуматься заставит
Нас и в шутку, и всерьез
О минувшем и грядущем,
Созданном душой мятущей,
О мгновеньях, что оставим
В мире грез...

Чуть слышным аккомпанементом потрескивали ветки в костре, шуршала над головой листва старой замшелой ивы, плескались у другого берега водяницы...

Разойдемся, не заметим,
Мчатся в поисках ответа
День за днем, за летом лето,
И листву роняет осень на порог.
А луна бессонной ночью
Новый путь опять пророчит,
Да сверчок в траве стрекочет
Колыбельную дорог...

Глава 2

В доме местного мага, на холме близ Белгородно, несмотря на поздний час все еще горел свет. Сам город уже давно спал, укрывшись душным одеялом теплой июльской ночи, и ему не было дела до беспокойного огонька за окраиной. Мало ли отчего хозяину не спится в столь поздний час. Кто же их, магов, разберет? Может, книжку какую запретную читает, может, заклинание составляет, а может, и вызовом демонов балуется – ходили о хозяине дома на холме и такие нелестные слухи. А то как же это – демонолог и без демонов? Сам же маг не обращал на досужие пересуды о своей персоне никакого внимания. Одним косым взглядом больше, одним меньше, мало ли он их в своей жизни видел.

Небольшой аккуратный особнячок, окруженный старым, изрядно запущенным садом, тонул в уплотнившихся сумерках и тенях старых раскидистых деревьев. Шебаршила в густой траве и давно не стриженном кустарнике мелкая нечисть, расплодившаяся в саду при полном попустительстве хозяев. Обитателям дома она не мешала, за что те милостиво позволили разномастным нечистикам обживать придомовые владения на свой вкус. Сам же дом походил на большую бесформенную кляксу, прорезанную ярким пятном освещенного окна на втором этаже. Вот в светлом проеме, задергивая тяжелые бордовые портьеры, мелькнул женский силуэт...

Шайритта расправила тяжелую бархатистую ткань и обернулась в комнату. На вид ей было не более тридцати, миндалевидные глаза цвета заиндевевшей стали выглядели слишком светлыми на смуглом лице. Длинные волосы, собранные в хвост на макушке, смоляной широкой лентой спадали вдоль спины. Черная, расшитая серебряным шнуром блузка и серо-стальная юбка, казалось, являли со своей обладательницей единое целое: ни одной лишней складки, ни малейшей неровности... Скользящие, плавные, а временами резкие, отточенные движения делали ее похожей на клинок – узкий, изящный, смертоносный.

Пронзительный взгляд женщины остановился на широкой кровати темного дерева, где полулежал-полусидел хозяин дома. Лет сорока с небольшим, в темных волосах уже начала пробиваться седина, грудь и лоб перехвачены повязками. Хельги Криэ осторожно поднес к глазам забинтованную руку и попробовал пошевелить пальцами – по ладони, от кончиков пальцев к запястью, разлилась терпкая боль, переходящая в зуд. Да... это же надо так оплошать... Отворяя кровь для заклатья, в спешке полоснул себя ножом чуть глубже, чем следовало, и задел сухожилие. Рука будет заживать долго.

– Вы позволите отругать себя, мессир? – полунасмешливо спросила Шайритта, подсаживаясь к нему и принимаясь разматывать повязку на ладони, чтобы заново обработать порез.

– Шайритта, не начинай, – поморщился демонолог.

– Тогда, может, позволите напомнить, что у вас есть дочь, и если с вами что-то случится, она останется сиротой? – компаньонка придирчиво осмотрела шов на ладони пациента – не разошелся ли?

– Шайритта! – демонолог выдернул руку из ее пальцев. Тянувшая боль вновь стеклась к порезу. – Господи, впервые на моей памяти кусок обработанного железа читает мне мораль! – раздраженно произнес господин Криэ.

– Я тоже когда-то была человеком из плоти и крови, мессир, если вы забыли, – с непонятной горечью в голосе откликнулась компаньонка. – И теперь не прочь стать им вновь, но, увы, жребий свой я изменить не в силах...

Демонолог покаянно закусил губу. Не сумев сдержаться, он затронул больную для них обоих тему.

– Прости, Шай, – виновато попросил он. – Я волнуюсь за Иленку не менее твоего. После смерти Иллерин только вы моя семья: моя дочь и мой клинок...

– Волнуетесь настолько, что решили поиграть в догонялки со смертью в старой усыпальнице эльфийского дворянина, запечатывая прорвавшегося из нижних миров демона? – неодобрительно отозвалась женщина.

– Это моя работа, Шай, – примирительно откликнулся Криэ, вновь протягивая ей пострадавшую конечность.

– Равно как и моя, – парировала она, продолжив обрабатывать рану.

В дверь комнаты осторожно поскреблись...

Хельги, взглянув на темную деревянную панель, вопросительно хмыкнул. На пороге зашуршало, застучало коготками, и в комнате появился лохматый шарик на коротеньких ножках, тут же превратившийся в маленького, заросшего бородой по самые глаза старичка в дерюжной одежде, подпоясанной цветастым плетеным поясом. Старичок переминался с лапки на лапку, не решаясь доложиться. Демонолог терпеливо ждал.

– Там это... – пробурчал домовой, – люди из города пришедши. Звать в покои?

– Из города? – Хельги с Шайриттой удивленно переглянулись.

– Я никому не назначал встреч, да еще так поздно, – недовольно проворчал Криэ. – Нет, Ньюша, пусть подождут. Я сейчас спущусь.

Шайритта тяжело вздохнула.

– Вы сошли с ума, мессир. Вам необходим полный покой, а вы...

– Шай, подай мне колет и помоги спуститься вниз, – прервал ее причитания демонолог.

Несколько минут спустя, опираясь на руку своей черноволосой компаньонки, Хельги предстал перед городской делегацией, состоявшей из помощника градоправителя и начальника городской стражи. Холодно поздоровавшись с посетителями, мэтр Криэ, не меняя тона, осведомился, какого ляда понадобилось благородным господам от него в столь неурочный час. Благо помощник градоправителя вовремя заметил, что в ворота рубашки достойного мэтра проглядывают бинты, а сам он едва держится на ногах. Посему длинной приветственной речи демонологу удалось избежать.

– Вы же знаете, мэтр, что в Чумном квартале, на месте Храмового пустырища решено возвести приют для нищих? – первым делом поинтересовался помощник градоправителя, досточтимый господин Мираниэль.

Хельги тихонько застонал. Чумной (или Лекарский) квартал за последние полгода стал его головной болью именно из-за Храмового пустырища. Некогда, еще до Войны Двух Миров, там действительно имелся какой-то храм. Во время войны здание разрушили, и за все последующие годы на его месте так ничего и не появилось. Пустырище так и осталось пустырищем. Горожане почитали место проклятым, ибо бытовала легенда о том, что во время стройки в фундамент храма вмуровали несколько младенцев, и теперь души невинно убиенных детей жаждут отмщения, поэтому старались держаться от пустыря подальше.

В этом Хельги был с ними полностью согласен – те несколько походов, которые он совершил на пустырь, оставили за собой весьма неприятный след. Никаких неупокоенных душ он там не обнаружил, но общий энергетический фон оставлял желать лучшего. А в последний раз, когда градоправитель задумал эту чертову стройку и попросил его вновь обследовать Храмовое пустырище на предмет негативных магических токов, он слег на два дня, и на голове мастера Криэ добавилось седых волос. Беда заключалась в том, что демонолог не смог сказать что именно не так с пустырем... Искомая причина, подобно наглому тореро, махала перед носом Хельги красной тряпкой и ускользала, стоило лишь ему попытаться ухватить ее за хвост. Но, чувствуя неладное, осторожный маг попросил градоправителя держаться от Храмового пустырища подальше и начать стройку где-нибудь в другом месте. Однако господин Къель-ши оказался упрям словно мул и не желал отказываться от идеи возвести на старом фундаменте новое здание. Поэтому сейчас, преодолевая боль и накатывавшую волнами слабость, Хельги

вынужден был выслушивать неурочных визитеров вместо того, чтобы в полном покое продолжать залечивать недавние раны.

– Господин Криэ, – обратился к нему долговязый черноволосый эльф, пребывавший в должности главного помощника градоправителя, – мы приносим свои извинения за столь поздний визит...

– Ближе к делу, уважаемый, – хрипловато прервал его Хельги. – Что нужно городским властям от бедного демонолога?

– Мэтр, господин Кьель-ши хотел, чтобы послезавтра вы присутствовали при расчистке пустырища, – проговорил эльф, утыкаясь взглядом в пол.

– Ничего не могу обещать, – сухо откликнулся Криэ, – и не потому, что я не поддерживаю эту затею, Мираниэль...

– Мне так и передать господину градоправителю? – удрученно переспросил эльф.

– Так и передайте. А теперь позвольте откланяться, любезнейшие.

– Не знаю, для чего понадобилась эта бравада, мессир, – укоризненно попеняла Шайритта, помогая Криэ устроиться на кровати. – Не проще ли было привести их сюда? К тому же вы ведь все равно...

– Я пойду, Шай, – прервал ее Хельги.

– Зачем? – она недоуменно воззрилась на него.

– Послезавтра я, Хельги Криэ, урожденный Ди Эроен – из древнего рода северных ярлов, по просьбе градоправителя Белгородно прибуду на расчистку Храмового пустырища, как того требует честь и долг мастера-демонолога, – ровно, будто объясняя очевидную истину несмышленому ребенку, ответил Криэ.

– Мессир, как можно?! Вы же на ногах без посторонней помощи не держитесь! А Иленка?! Подумайте хотя бы о дочери! – всплеснула руками Шайритта.

– Шай, я должен там присутствовать, – отрезал демонолог. – Что-то с этим пустырищем не так. Наверняка понадобится помощь мага. В крайнем случае я хотя бы сведу к минимуму возможные негативные последствия...

Женщина тяжело вздохнула:

– Да, мессир, как пожелаете, мессир... Я всегда готова служить вам и защищать вас. Позовите, когда понадобится... – невнятно буркнула она, и контуры ее тела поплыли, теряя очертания...

– Ясно, обиделась... – Хельги едва успел подхватить узкий меч с черной, оплетенной серебряным шнуром рукоятью и со вздохом вложил клинок в ножны...

* * *

Листья, едва колышимые вялым ветерком, умиротворяюще шелестели, принимая лучи пока еще нежаркого солнца. Белый, постепенно раскалявшийся диск карабкался от горизонта к зениту. Чем выше взбиралось светило, тем злее и краснее становилось. Ветерок, борясь с липкой наступающей жарой, все больше проигрывал – пока не стих вовсе, предоставив воздуху разжариваться на свое усмотрение. Лучи, пробивавшиеся сквозь листву, играли в салочки, плутая в густой поросли гусиных лапок. Желтые цветы, похожие на маленькие кубышки, невесть зачем выбравшиеся из воды на землю, яркой россыпью лежали на изумрудной траве. Один из неугомонных солнечных зайчиков, пробившись сквозь листья, мазнул по лицу Поводыря. Ресницы на здоровом веке дрогнули. Шири зябко повел плечами и окончательно проснулся. Вчера он так и не удосужился завернуться в одеяло, уснув на коленях Арьяты. И теперь за свою лень предстояло расплачиваться.

Костер за ночь прогорел, и сейчас о нем напоминало лишь покрытое росой пепелище. Поводырь с удивлением обнаружил, что комары на него более не посягали, и осторожно сел,

стараясь не разбудить спутницу, привалившуюся к стволу дерева. С хрустом потянулся, но тут же поморщился: шея после такой ночевки затекла, на каждое движение отзываясь зудящим покалыванием. Он потянулся, дабы помассировать онемевшие мышцы, и застыл в недоумении. Длинные роскошные волосы (его гордость, холимая и лелеемая пуще зеницы ока!) свисали десятками тонюсеньких косичек. Шири непроизвольно застонал.

– Daeni, это что, шутка такая? – спросил он в пустоту, понятия не имея, что же теперь делать с этим шедевром парикмахерского искусства. – Не смешно!

– А? – сонно моргая, Арьята сладко зевнула в ответ. – Ой, прости... Я вчера, э-э, немного увлеклась... Оно расплетется. Точно-точно!

– Я надеюсь, – проворчал Шири, вытаскивая из рюкзака гребень и принимаясь за распутывание мелкого плетива.

– А-а-а-а! – вдруг разодрал на клочки утреннюю благодать пронзительный вопль.

Поводырь со Смертью подскочили от неожиданности. Вopil пришедший в себя юноша. Вчера вечером он не подавал признаков жизни, тихонько сопя на плаще, и они за ночь успели благополучно про него забыть. Что за кошмарное видение посетило его за миг до этого, неизвестно. Однако парнишка, обливаясь холодным потом, дико озирался по сторонам, пытаясь понять, на каком он свете.

– В-вы к-кто? – заикаясь, выдавил он, заметив своих невольных спутников. – Я где?

Арьята и Шири переглянулись.

– Я – Смерть, а это мой верный Поводырь, – спокойно ответила девочка, здраво рассудив, что большего потрясения, чем их вчерашнее знакомство, у юноши произойти уже не может.

Парнишка скользнул взглядом по длинноволосому мужчине, задержался на Арьяте и со стоном рухнул в обморок.

– Daeni, ну зачем ты так? – укоризненно спросил Шири, похлопывая обморочного юношу по щекам. Ему совершенно не улыбалось еще день тащить навязанного спутника на себе.

– Полагаешь, стоило сказать, что ты – поганый умрий? – хихикнула она. – Брось, Ши, этот парень видел тебя «в деле». Нам нет смысла скрываться.

Вопреки опасениям Шири, паренек довольно быстро пришел в себя и теперь перепуганно таранился то на Поводыря, то на девочку. Арьята отпрянула, прикрывая глаза ладонью. Стоило Смерти зазеваться, как случайный попутчик тут же наглым образом перетряхнул ее мысли, наградив вспышкой головной боли и звоном в ушах. Теперь понятно, как он смог прорваться на Грань. Еще бы, с такими телепатическими способностями... Тут не то что на Грань, а и за нее провалиться – раз плюнуть. Юноша со стоном принялся тереть пальцами виски – обрушившийся на него поток чужого, а точнее, чуждого сознания тоже не доставил ему удовольствия, больно хлестнув по сверхчувствительному восприятию. Перед глазами пошли радужные круги, но сознание на сей раз теряться не пожелало, заставив своего обладателя самостоятельно подавлять последствия опрометчивого деяния.

– Ты... – простонал он, – ты Смерть... Ты и вправду Смерть... Твои мысли... это все правда... О небо, моя голова!

– А нечего лезть, куда не звали! – проворчала девчонка, потирая лоб рукой.

– Так он чего, телепат? – слегка ошеломленно спросил Поводырь, обернувшись к Арьяте. Та утвердительно кивнула.

«...Ну вот, час от часу не легче, – мрачно подумал Шири. – Тут сам иногда своих мыслей пугаешься...»

– Ты... – Юноша повернулся к нему. – Я тебя не «вижу»! Как чистый лист! Ее «вижу», тебя – нет... Можешь не закрываться, я не стану тебя «читать», честно, себе дороже!

– Да я и не закрываюсь вроде, – проворчал Шири, подозрительно глядя на паренька. Тот настороженным волчком смотрел на него из-под рвано подстриженной челки.

– Странно, – удивился он, поведив рукой перед лицом Поводыря, – щитов нет, а я тебя не «вижу».

– Ну и шайтан с ним... – облегченно пробормотал Шири.

– Но так не должно быть, я же абсолютный телепат⁴! Для меня слышать мысли других – так же нормально, как дышать!

– Тогда считай, что я исключение из правил, – криво усмехнулся Поводырь, донельзя довольный таким раскладом. Арьята же, чуть лучше разбиравшаяся в магических заморочках живущих, насторожилась. Но экстренный поход в закрома собственной тысячелетней памяти ничего не дал, и менестрель решила отложить выяснение подробностей до лучших времен.

– Как тебя зовут, парень? – спросил верный Поводырь Смерти, принимаясь раздирать гребнем только что расплетенную прядь. Гребень путался и не шел. Лицо Шири превратилось в мученическую гримасу, которая в сочетании с черной повязкой создала поистине зверскую рожу.

– Э... – юный телепат что-то лихорадочно обдумывал. – Иль... – как-то неуверенно произнес он. – Иль Криэ.

Арьята удивленно вскинула бровь. Фамилия оказалась знакомой. Здесь уж память ее не подвела, услужливо подсунув образ приятного темноволосого мужчины в скромной черной сутане и с неизменной трубкой в руке⁵.

– Когда-то я знавала человека по имени Вилдар Криэ, – задумчиво призналась она, потирая подбородок. – Только это случилось давно, по человеческим меркам, конечно.

– Вилдар – мой дед, – со вздохом откликнулся Иль. – Его нет уже, – непонятно зачем добавил он.

– Ну, что же, Иль Криэ, приятно познакомиться, – улынулась девочка. – Меня можешь звать Арьятой, а его – она указала на Поводыря, – зовут Шириган Йонсу.

– Шири – что? – не понял юноша.

– Можно просто Шири, – буркнул Поводырь, – и тебе проще, и мне приятней.

Вдруг что-то вспомнив, Иль принялся лихорадочно ощупывать куртку. После нескольких секунд суетливых метаний парнишка облегченно вздохнул, извлекая из-за пазухи плоский пакет из промасленной бумаги. Проверил, целы ли печати, и сунул обратно. Бросив быстрый взгляд в сторону Шири, вновь беспокойно заерзал. Заметив валявшиеся рядом в траве пустые ножны с перевязью, которые Поводырь стащил с него, пока Иль пребывал в беспамятстве, юноша обреченно застонал...

Арьята, напевая себе под нос какую-то невнятную песенку, рылась в рюкзаке Поводыря в поисках возможного завтрака. Шири продолжал усердно расплетать косички, одолев уже больше половины. Освободившиеся волосы торчали в разные стороны всклокоченными космами. В очередной раз обшарив траву вокруг себя, Иль удрученно воззрился на пустые ножны, лелея слабую надежду, что меч вот-вот появится там сам собой.

– Что-то не так? – осведомилась Арьята, извлекая из рюкзака некое подобие бутербродов.

– Меч... – удрученно откликнулся юноша, – его нет...

– Шири, ты не знаешь, где его меч? – девочка потормошила ушедшего в себя Поводыря.

– Спросила у больного здоровья, – рассеянно откликнулся тот, – возле родника, наверное, остался. Я не смотрел... – Собственные волосы волновали его сейчас куда больше, чем какой-то гипотетический меч.

⁴ Абсолютный телепат – человек, для которого мысли окружающих как еще одна речь. Он слышит мысли помимо собственного желания. Обычно такие люди вынуждены экранироваться от окружающих, а не наоборот (*из личных наблюдений мастера-заклинателя Иленки Криэ*).

⁵ Подразумевается, конечно же, господин Вилдар Криэ, персонаж из соавторской трилогии Татьяны Устименко и Ольги Вольски «На страже двух миров».

Юноша неуверенно поднялся на ноги и, одернув куртку, закинул на спину пустые ножны, намереваясь уйти.

– Эй, ты куда? – Не поняла менестрель.

– За мечом, – уныло ответил он. – Оставлю – мне Энгарт голову оторвет... оторвал бы... – Парнишка часто заморгал и спешно начал тереть глаза рукавом.

– Ты, похоже, совсем умом тронулся, это же шайтан его знает куда возвращаться! – возмутился Шири.

– Там клинок наговорной, рунированный... черная сталь на крови... – чуть не плача, сказал Иль. – Такой только под заказ делают...

«...Ничего себе фокусы... – подумал Поводырь, – да если бы он меня вчера таким клинком приложил, да на Грани... Тут бы мне и аминь... Кто же ты такой, парень?»

– Ладно, – покладисто вздохнула Арьята, – давайте вернемся.

– А вам-то какой интерес со мной таскаться? Я и сам могу сходить... Или... я что, умер? – Иль заметно побледнел.

– Нет, а что, хочешь? – ехидно осклабился Шири.

– Энгарт погиб... Я не умер... а вы... вы тут и... Ничего не понимаю! – юноша опустился на траву и, обхватив голову руками, принялся неразборчиво бормотать себе под нос, время от времени всхлипывая.

Шири с Арьятой удивленно переглянулись и подсели к ошеломленному Илю. Девочка успокаивающе погладила его по плечу.

– Иль, послушай, – вкрадчиво зашептала она, – я не знаю, что вчера произошло. Когда мы на вас наткнулись, на поляне лежало шесть трупов, а ты был без сознания. – Смерть здраво решила не упоминать, что без сознания телепат оказался именно благодаря им. – Мы решили, лучше будет забрать тебя с собой. Вот и вся история. Ты жив, с тобой все в порядке. Мы с Шири проводим тебя до ближайшего города...

– Мне нужно забрать меч, – глухо откликнулся паренек.

– Хорошо, хорошо, – Арьята продолжала успокаивающе гладить его по спине, – мы сходим с тобой. Все в порядке, успокойся.

Шири пробормотал себе под нос какую-то неодобрительную фразу, глядя на Иля из-под сведенных бровей, затем поднялся на ноги и подхватил валявшийся на траве рюкзак.

– Идем, – буркнул он. – И так столько времени потеряли.

Возвращаться оказалось не так уж и далеко, как представлялось вначале. Вчера, изнуренные солнцем и отягощенные ношей, они брели по лесу довольно долго. Сегодня же пройденное расстояние показалось путникам ничтожным, и спустя час они вышли на памятную поляну. Солнце, взобравшееся довольно высоко, выжигало покрытую засохшей кровью траву. Родник тихо поплескивал кристальной водой.

– Иди, ищи свой клинок. Мы тебя вчера возле родника нашли. Думаю, твой меч где-то там валяется, – недовольно буркнул Шири. – Заодно и воды наберем на-конец-то.

Пока Иль шарил в траве, Арьята с Поводырем прыгнули под берег и принялись наполнять фляги. Но не прошло и минуты с их появления на поляне, как кусты затрещали вновь. Шири едва успел стащить юношу к роднику. В руке паренек сжимал только что найденный меч...

Все это они успели сделать весьма вовремя, ибо спустя мгновение на поляну вывалилась ватага изрядно замурзанных, заросших бородами мужиков, переговаривавшихся между собой вполголоса.

– Да тута это. Тута мы вчерась на энтих двоих и налетели. Лошадки у них хорошие были, – хрипел кривоногий коротышка с перевязанной культей вместо левой руки. – Пока колдун внимание отвлекал, второй хмырь пятерых положил и сам подох... Лыжания уже на излете этого гадюку достал. Знатно достал, всю грудину распахал. А лошадки-то испужались и деру дали, –

коротышка хмыкнул и, почесав грудь здоровой рукой, добавил, словно оправдываясь: – Я ж за ними и побег. Так и не поймал, скотин эдаких! А колдун, верно, тела по ветру развеял...

Поводырь едва не присвистнул, заметив количество навешанного на людей оружия. Иль с тихим всхлипом уткнулся лицом в землю.

– Разбойники, – тихо простонал он, – я вон того с перевязанной культей узнал.

– Это они на вас вчера напали? – спросила Арьята.

– Тихо вы! – шикнул на них Поводырь, но было поздно. Заслышавшие возню разбойники устремились к ним. Арьята и глазом не успела моргнуть, как их окружили. Шири бесшумно потянул меч из ножен, заслоня собой девочку. Иль обеими руками вцепился в рукоять недавно найденного оружия, выставив клинок перед собой.

– Это кто-то тут у нас такой смелый? – щербато скалясь, осведомился рослый детина, вооруженный мечом-бастардом. Чуть более добротная и не такая потрепанная одежда выдавала в нем если не главаря, то кого-то весьма к этому званию близкого.

– А кого вы хотели увидеть? – сухо откликнулся Поводырь.

– Хе, шутник, однако, – продолжил скалиться мужик. Ватага нестройно загоготала. – Опускай свою железку. Отдадите цацки, да и разойдемся с миром: вы под кусток, мы под мосток, дальше тракт сторожевать.

– Предлагаю по-другому: вы тихо исчезаете туда, откуда явились, а мы идем дальше своей дорогой, – спокойно парировал Шири, слегка покачивая мечом и заставляя кончик лезвия выписывать восьмерки в воздухе. Иль, на которого последние несколько минут никто не обращал внимания, отведя клинок в сторону, что-то неразборчиво бубнил себе под нос, перебирая в воздухе пальцами свободной руки.

– Ко-олдун! – взвился бандит с перевязанной культей. И прежде, чем кто-то успел ему помешать, бросился на юношу с обнаженным тесаком. Поводырь и сам не понял, как молнией вклинился между ними, прикрывая паренька. Разбойник, не рассчитав скорости, по инерции налетел прямо на клинок непрошеного защитника. Удивленно хлюпнув, горе-нападавший рефлекторно завершил удар, рубанув Шири тесаком наискось. Резко прянув назад, Поводырь рванул клинок обратно, опоздав лишь на долю секунды. Кривой тесак разбойника с отяжкой полоснул его по торсу...

В следующее мгновение Иль, наконец, завершил заклятье. С тонких пальцев паренька сорвался каскад молний. Воздух потемнел, завывло, заухало, засверкало... Ослепленные, оглушенные разбойники застыли столбом, не соображая, что происходит...

– Бежим! – крикнула Арьята, первой кидаясь к спасительным кустам.

Шири, схватив за руку упавшегося Иля, рванул за ней, предоставив разбойникам самим разбираться в ситуации. Те, проморгавшись, бросились за ними.

Съехав-скатившись по прошлогоднему опадку в какой-то овраг, Шири, как был на четвереньках, кинулся к щели между корнями здоровенного вяза. Иль с Арьятой устремились следом. Забившись в тесную берлогу, все трое замерли, словно мыши под веником, стараясь лишний раз не дышать. Раздававшиеся над головой топот, крики и ругательства постепенно затихли, удаляясь вглубь леса.

Выждав еще некоторое время, Шири приказал выбираться наружу. Первой из-под корней вылезла Арьята, вытряхивая набившийся в волосы мусор. Иль беспокойно завожился и неловко заехал Поводырю локтем в грудь. Тот со стоном повалился на спину.

– Эй, ты чего? – не понял юноша.

– Да он ранен! – вскрикнула девочка, наклоняясь над товарищем. – Из-за тебя, между прочим! – сердито добавила она. – Ши... Шири...

– Все... в... порядке... daeni... – медленно выдохнул Поводырь.

– Ты уверен? – озабоченно спросил Иль, пытаясь нащупать у него пульс.

– Абсолютно! – морщась от боли, он выбрался из-под корней. – Давайте-ка убираться отсюда, желательно в противоположную разбойникам сторону...

Изрядно поплутав по лесу, через пару часов они умудрились выйти к озеру, возле которого ночевали. День уже перевалил за середину, налившись липкой раскаленной патокой июльской жары. Шири, привалившись к стволу дерева, сполз на землю, вытянув ноги. Дышал он тяжело и часто. Последние минут пятнадцать дались ему особенно трудно. Рана оказалась неглубокой, но поначалу изрядно кровила, а разлившийся в воздухе жар значительно тормозил заживление. Прислонив рядом с ним гитару, Арьята задумчиво осматривала берег. Где-то в зарослях рогоза плеснула рыба. Покусывая травинку, девочка прошла к воде.

– Поговорю-ка я с лешим, – решила она. – А то что это за безобразие у него под носом творится! Уже на саму Смерть разбойники нападают! Непорядок! Ждите меня здесь.

– Эй, а если он умрет? – встревоженно спросил Иль, указывая на бледного Поводыря.

– Если умрет, похоронишь, – отмахнулась Арьята. – Да шучу я, шучу! – поспешила добавить она, видя, как вытягивается и теряет румянец лицо юноши. – Не случится с ним ничего, отдохнет и завтра снова будет как огурчик.

– Такой же зеленый и в пупырышках?

Ничего не ответив на брошенную Илем колкость, Смерть исчезла в зарослях ракитника. Паренек, проводив ее взглядом, спустился к воде. Он был уверен, что видел несколько кустиков подорожника. Нарвав листьев, Иль вернулся к дереву. Шири полусидел-полулежал, привалившись к шершавому стволу, здоровый глаз закрыт, голова безвольно свесилась набок, черты лица заострились, руки вытянуты вдоль тела.

– Эй, – юноша тронул его за плечо. – Эй!

Тут пареньку стало страшно. Поводырь, кажется, не дышал. Вместо того чтобы попытаться определить пульс, Иль начал нервно ощупывать грудь мужчины, рассчитывая услышать биение сердца. Впустую – оно не прослушивалось. Вдруг пальцы Поводыря клещами сомкнулись у него на запястье.

– Ты с какими намерениями по мне елозишь? – подозрительно осведомился Шири, чуть приоткрыв глаз.

– Ты... ты... – от пережитого ужаса к Илю не сразу вернулся дар речи, – я думал, все... у т-тебя сердце не бьется! – заикаясь, выпалил он, стремясь отстраниться от внезапно ожившего «мертвеца».

– Конечно, не бьется, – иронично хмыкнул тот, – а как ты хотел? Я же не совсем живой человек.

– Так не бывает! – уверенно заявил паренек. – Ты двигаешься, разговариваешь, мыслишь, ты – теплый!

– Бывает-бывает, – усмехнулся Шири. – Много лет назад daeni сама остановила его. Такой длинной острой штуковиной... Пришпилила, словно коллекционер бабочку, чтоб лишний раз не трепыхалось.

– Чего не трепыхалось? – поинтересовалась Арьята, вывалившись из кустов на берег.

– Мое сердце.

– А... Да. В общем, говорила я с лешим, обещал разобраться с этими... романтиками с большой дороги. Лежи-лежи! – остановила она попытавшегося встать Шири. – Никто нас в шею не гонит. Останемся тут до завтра.

– А я пойду, наверное... – неуверенно промямлил Иль.

– Угу, прямо в лапы к разбойникам, – буркнул Поводырь, – сиди уже! Колдун...

– Действительно, – поддержала товарища Арьята. – Почему тебе так нейдет? Здесь только одна дорога – Курганов большак, которая на Далеград идет. Завтра поутру вместе пойдем. Всяко спокойнее будет.

Иль задумчиво взъерошил волосы на макушке, что-то прикидывая и невнятно бормоча себе под нос. По всему выходило, что вместе действительно спокойнее.

– Ладно, – проворчал он. – Ладно, уговорили.

Глава 3

Кто рано встает, тому бог подает. Не иначе как именно этой прописной истины и придерживался глава Белгородно, почтеннейший господин Кьель-ши, приказав начать расчистку храмового пустырища ни свет ни заря. А посему солнце еще не успело выкарабкаться на небосклон из-за покатых черепичных крыш, как в Лекарском переулке уже готовились приступить к работе.

Разношерстная строительная бригада, состоявшая из гномов, кобольдов и цвергов, нетерпеливо переминалась с ноги на ногу на краю пустыря, сжимая в руках кирки и лопаты. Двое кобольдов тихо переругивались, пытаясь свернуть в трубку дерюжный мешок.

Солнце уже наполовину показалось из-за городских крыш, а сигнала к началу работ все не поступало. Ожидание затягивалось. Градоправитель, невысокий, довольно упитанный сильф с пунцовыми волосами, пригладить которые не смогла даже банка лучшей эльфийской помады, нетерпеливо прохаживался у будущей стройплощадки. Хмурый черноволосый заместитель его светлости взъерошенным вороном стоял в тени соседнего дома, скрестив руки на груди и чуть сутулясь.

– Мираниэль, – Кьель-ши приблизился к нему, – а где мэтр Криэ? Он придет?

Эльф, которому этот вопрос за последние полчаса успели задать два десятка гномов, кобольдов и цвергов, нервно дернулся.

– Не знаю, ваша светлость, – раздраженно буркнул он, – мэтр ничего не обещал.

Градоправитель озабоченно потер руки и, щелкнув крышкой карманного хронометра, взглянул на циферблат.

– Если он не появится через пять минут, придется начинать без него. Мы и так задержались, а солнце уже достаточно высоко.

Доселе сосредоточенно изучавший носки своих ботинок, Мираниэль принялся разглядывать улицу, близоруко щурясь против солнца. Сейчас эльф как никогда напоминал унылого растрепанного ворона.

– Кажется, вон он идет, – промямлил эльф, указывая на приближавшегося человека. Достопочтенный Кьель-ши оглянулся в указанном направлении – к ним действительно подходил мастер-демонолог.

«...Вот только толку-то от него сейчас, – невесело подумал почтенный Мираниэль, скептически осматривая вновь прибывшего, – сам ведь едва на ногах стоит».

Впрочем, достойный эльф слегка грешил против истины: на ногах Хельги Криэ держался вполне твердо, однако бледен оказался без меры, что правда, то правда.

Демонолог молча кивнул эльфу и обратился к градоправителю, предупреждая длинную приветственную речь, уже готовую соваться с его уст.

– Жители соседних домов предупреждены? – деловито осведомился он.

– Нет, почтенный мэтр. Да и к чему? – Кьель-ши старался не смотреть в глаза Криэ.

Хельги страдальчески поморщился: оповещать людей теперь, в последний момент – уже бесполезно, может начаться никому не нужная паника.

– Ладно, – вздохнул маг, – можете сказать рабочим, чтобы приступали. Если что-то пойдет не так, я сообщу.

Градоправитель подал знак разношерстной строительной бригаде. Только что нетерпеливо переминавшиеся с ноги на ногу строители степенно двинулись по пустырю, размечая территорию и распределяя обязанности. Застучали кирки, зашуршал сгребаемый лопатами мелкий каменный мусор – расчистка началась.

Хельги, выбравшись на относительно чистую ровную площадку, присел на корточки и, вытащив засапожный нож, принялся чертить пентаграмму. Меч в наспинных ножнах едва ощутимо задрожал.

– Все в порядке, Шай, – успокаивающе произнес он, касаясь пальцами оголовья меча, – пока все в порядке.

Вокруг деловито сновали гномы и цверги; натужно пытаясь под тяжестью уносимого мусора, топотали кобольды, глухо тюкали кирки, скрежетали о камень лопаты. Хельги неподвижно застыл в центре рисунка, пытаясь уловить, что же так сильно не понравилось ему здесь в прошлый раз. Течение энергетических линий находилось в норме, возможных разрывов и прочих аномалий пока не наблюдалось. Предполагаемые точки коридоров в Нижний мир пребывали в полном покое. Что же тогда?

Какая-то едва уловимая магия время от времени начинала нервно пульсировать в разных концах пустырища. Но это слишком старые чары, оставшиеся небось еще со времени существования храма, в крайнем случае, со времен войны. А вот более яркие вспышки – это работают цверги. Одна вспышка, вторая, третья... Последняя совсем близко от остатков старой магии, следующая внахлест с нею... Демонолог почувствовал, как носом хлынула кровь. Мгновенно открыв глаза, Хельги окинул взглядом пустырь – в двух местах начинали закручиваться в воздухе пока еще никем не замеченные воронки. Еще одна вспышка магии...

– Прекратите! Немедленно перестаньте чаровать! – крикнул демонолог, пытаясь унять идущую носом кровь. – Назад, все назад! Прочь отсюда!

Рабочие ошарашенно уставились на него. Хлопком сработало очередное расчищающее заклятье цвергов... и реальность выгнулась дугой, взорвавшись пульсирующими воронками. Строители, словно очнувшись, кинулись прочь с пустыря. Мир окрасился в багровые тона, укрывшись красным маревом. Хельги покачнулся.

«...Шторм реальностей, – запоздало догадался он, – такое случается, когда сталкиваются два несовместимых магических потока... Вот и столкнулись...»

Пентаграмма вокруг него засветилась, окружая мага защитным полем. Демонолог рванул с шеи амулет и активировал, разломив надвое. Нервная пульсация окружающего мира прекратилась. Вzbешенная реальность застыла, готовая всколыхнуться в любой момент. Криз тихо выругался сквозь зубы: уж он-то знал, что наложенная им охранный печать может разлететься с минуты на минуту. По счастью, все рабочие успели убратъся с пустырища за секунду до того, как его основательно накрыло.

Словно подтверждая опасения демонолога, печать дрогнула, и реальность вновь пошла рябью. Хельги, незлым тихим словом помянув упрямого градоправителя, добавил к пентаграмме еще несколько рун. Меч ощутимо задергался в ножнах.

– Я знаю, что делаю, – огрызнулся Криз, – здесь нужно все запечатать!

Печать дернулась еще раз, демонолог поспешно добавил очередную закорючку. Светящаяся копия пентакля взмыла в воздух и зависла, громадным пауком раскинувшись над пустырищем. Хельги довольно хмыкнул и активировал телепорт...

Секунду спустя он уже стоял посреди залитой солнцем улицы, а за его спиной подрагивало красно-черное марево, затянувшее пустырь. Градоправитель о чем-то спорил с предводителем строителей. Видно, тот требовал компенсации за пережитый стресс, а Къель-ши активно протестовал. Демонолог, пошатываясь, приблизился к ним.

– Ну и как, довольны, ваша светлость? – зло бросил он. – Я ведь предупреждал вас, что это место лучше не трогать!

– А чего там такое случилось, мэтр? – его светлость пребывал в состоянии легкого испуга, не совсем понимая, из-за чего весь сыр-бор.

– Шторм реальностей, – хрипло ответил Хельги. – Магия цвергов столкнулась с более древними чарами, пропитавшими это место насквозь. А в результате мы получили весь этот

бардак! – демонолог исчерпывающе махнул рукой в сторону пустыря. – Я все там запечатал, и пока у меня не появится новой информации, больше ничего сделать не смогу... – пот градом катил по окровавленному лицу Криэ, зрачки расширились.

– Да-да, конечно... – градоправитель замахал руками, – благодарю, мэтр...

Но демонолог уже не слушал его, медленно поднимаясь вверх по улице. Свернув в ближайшую подворотню, Хельги обессилено привалился к стене и потянул клинок из ножен.

– Шай... помоги...

Шайритта едва успела поддержать потерявшего сознание мага. Нечего и думать, чтобы привести его в чувство немедленно. Клинок спешно нашарила на груди Хельги телепортационный амулет. Невнятно ругаясь и поминая рогатого, который не иначе как демонолога под руку толкал и мысли глупые на ухо нашепывал, Шайритта втащила Криэ в межпространственный портал...

* * *

Лес кончился внезапно. Вот еще минуту назад они шли под сенью раскидистых деревьев, раздвигая ветви подлеска – и раз... пригнув прутья очередной лещины, вывалились на дорогу, уходящую в залитое солнцем поле. Подрагивал выжженный солнцем ковыль, серебрилась притрушенная дорожной пылью полынь на обочинах. Такое яркое в начале лета, полевое разнотравье под палящими лучами раскаленного июльского солнца превратилось в сено. И лишь бодякам – полевому чертополоху, кажется, все было нипочем. Разлапистые, щетинившиеся колючками кусты цвели багрянцем, распространяя приторно-медвяный аромат и привлекая толстых мохнатых шмелей. Некоторые кусты уже отцвели и теперь распушились мохнатыми семенами, которые делали их похожими на взбесившиеся одуванчики.

Арьята тяжело вздохнула, вдыхая липкий, напоенный приторным ароматом воздух. Она уже не знала, что хуже: продираться сквозь кустарник, истекая потом, но в тени, или брести по открытой дороге, но под солнцем. Иль окинул взглядом простиравшуюся перед ними необъятную равнину.

– До Белгородно еще так далеко... время... время... – досадливо пробормотал он себе под нос.

– Чего? – переспросил Шири. Полученный вчера глубокий порез за ночь полностью затянулся, и теперь о нем напоминала лишь грубо заштопанная дыра на безрукавке.

– Ничего... – Иль решительно шагнул на дорогу, – спасибо, что не бросили тогда на поляне. После гибели Энгарта я бы далеко не ушел... Но дальше я уж как-нибудь сам, – Несмотря на кажущееся спокойствие, юноша явно чувствовал себя не в своей тарелке и стремился как можно быстрее избавиться от случайных попутчиков. Однако Поводырь довольно бесцеремонно цапнул его за руку и вернул назад.

– Куда это ты собрался, парень? Мало тебе неприятностей?

– А?... – Паренек недоуменно обернулся.

– Здесь на Далеград одна дорога, и вряд ли ты ходишь быстрее нас, – резонно заметила Арьята. – К тому же тракт небезопасен, лучше будет, если мы пойдем вместе.

– Э? Вообще-то я хотел через пустошь срезать и выйти к Белгородненскому тракту... – замаялся Иль, озадаченный такой заботой со стороны малознакомых попутчиков.

Арьята и Шири переглянулись и одновременно pokrутили пальцами у висков.

– Парень, если тебе нужно в Белгородно, то можем тебя провести, – неожиданно для себя предложил Шири. – Но через пустошь мы не пойдем, чревато лишними проблемами, – покачал головой Поводырь.

– Но через Далеград дольше! – попытался возразить юноша, которого стремление Шири помочь ему во всем уже начало порядком раздражать. Какого лешего он к нему так прицепился? Что-то подозревает? А если подозревает, то что именно?

– Дольше, зато безопасней, – назидательно воздела палец кверху Арьята, поддерживая товарища. – Более того, нам не повредит пополнить отощавшую мошну, а на пустоши, кроме праздно шатающейся нежити, иных слушателей, увы, нет. Следовательно, и платить бедному менестрелю некому. Посему мы идем в Далеград, а потом, раз уж так сложилось, в Белгородно.

Иль, насупив брови, сосредоточенно рассматривал носки своих изрядно запыленных дорожных ботинок. Он и сам понимал, что идти через пустошь в одиночку опасно, но с другой стороны, уж точно не опасней, чем вместе с этими... Этим... До сих пор страшно вспоминать, во что Шири превращается. И пусть Арьята утверждает, будто они нашли его без сознания, сам-то он прекрасно помнил, что потерял сознание после того, как пытался оттолкнуть Поводыря прочь от умирающего Энгарта. Но больше всего его пугало отнюдь не это... Смерть, каким бы мистическим существом она ни являлась, все же оставалась более проста и понятна – в любой момент Иль мог прочесть ее мысли. А вот Шири по-прежнему был чистым листом. Как ни бился он над проблемой, но прочесть Поводыря так и не смог. До этого единственным человеком, который оказался для него таким же «чистым листом», оставался отец. Но в семьях телепатов всегда так: родители не могут читать детей, а дети родителей... А здесь...

– Ладно, – наконец буркнул он, прерывая свои размышления, – я с вами. Все равно после гибели мастера Энгарта мне некуда деваться.

– Значит, Энгарт был твоим учителем? – уточнила Арьята. Смерть все больше утверждалась в мысли, что с этим юношей что-то не так. Он явно старше, чем кажется. И если это так, то какой же из него, к черту, юноша? Потоптавшись немного вокруг этой мысли, менестрелька досадливо плюнула и прекратила терзаться размышлениями. Ладно, прикидываться валенком, то бишь юношей, еще никто не запрещал. Она и сама пару раз прибегала к подобным уловкам. Придет время, разберемся...

– Да... И хватит уже на месте топтаться! Солнце высоко! – резким срывающимся голосом почти выкрикнул Иль, шагая на дорогу.

Смерть и ее верный Поводырь переглянулись и последовали за ним.

– Кажется, я уже начинаю жалеть, что мы согласились провести его до Белгородно, – задумчиво пробормотал Шири, глядя на напряженную спину юноши, плечи которого чуть заметно вздрагивали.

– Да ладно тебе, – так же тихо откликнулась девочка, – хороший паренек. Толк из него выйдет.

– Угу, а бестолочь останется... – фыркнул Поводырь.

– К тому же две головы хорошо, а три...

– А три – это уже Змей Горыныч! Daeni, я злюсь не потому, что он мне не нравится, – Шири понизил голос до полусшепота, – а наоборот!

– Как это? – не поняла намека Смерть.

– Потому, что он нравится мне как женщина! – прошипел Поводырь, заливаясь краской. Впервые поймав себя на оной мысли еще у озера, ему очень захотелось постучаться головой о дерево, дабы избавиться от некстати прорезавшейся странной симпатии. Да только вряд ли бы это священнодействие принесло успех...

– Может, он и есть женщина? – вопросительно вскинула бровь менестрелька. – Знаешь, я как-то над этим не задумывалась... Путешествовать в компании незнакомцев и кричать на каждом углу, что ты дама, чревато последствиями, понимаешь ли...

– Daeni, я что, по-твоему, не в состоянии одно от другого отличить? – возмущенно прошипел Поводырь. – Ты забыла, как я его на своем горбу полдня тащил?

– Ну, так тащил же, а не щупал, – пожалала она плечами.

– О боги... ужас... позор мне на мои седины... – Шири запустил пальцы в растрепанные волосы и отчаянно подергал за пряди.

– Ну, солнышко, – Арьята успокаивающе погладила его по руке, – успокойся. Разнообразие время от времени требуется во всем.

Поводырь, не ожидавший от своей верной подруги такой подлости, вытаращился на нее, словно благородная девица на таракана в своей пудренице, и несколько секунд просто открывал и закрывал рот, не в силах выдать достойного, а тем паче – цензурного ответа.

– Да шучу я, шучу, – хихикала девчонка, довольная своей выходкой.

– Ну, знаешь ли, daeni!

– Тихо-тихо, сейчас пар из ушей пойдет...

Раздраженно сплюнув на дорогу, Шири отвернулся от Арьяты, продолжив путь в молчании.

Все слышавший Иль, взбивая фонтанчики пыли, шел впереди, изо всех сил стараясь, чтобы не было заметно, как вздрагивают его плечи. По лицу паренька катились крупные злые слезы...

Дом барона Йозефа Тарницы окутывала мрачная, почти зловещая тишина. Уже несколько дней среди домочадцев и прислуги кочевала весть о том, будто старший сын барона, Кристоф, слег и находится при смерти. Страшный удар для семьи, ведь парню едва исполнилось двадцать. Неизвестный недуг внезапно свалил доселе ни на что не жаловавшегося молодого человека и теперь неотвратимо вел его к могиле. А посему все обитатели роскошного полужамка-полуособняка в сердце Далеграда говорили только шепотом и ходили на цыпочках. А еще ближе к вечеру по дому пополз слух, что молодой господин совсем плох... И по всему видно – стать наследником в скором времени предстоит не кому иному, как заму-хрышке Эдану, младшему сыну благородного барона. Нелюбимому и презренному отпрыску рыжей Эвелины, второй жены господина Йозефа, почившей в мире сразу после рождения сына.

Поговаривали, что барон вообще не хотел признавать ребенка своим. Ибо уродился тот рыжеволосым, как мать, и с необычайно тонкой статью. Тогда как сам Йозеф Тарница был темноволос и кряжист, словно медведь, и поэтому изначально называл малыша бастардом. Но потом вдруг передумал и дал мальчику свое имя... И более ничего не присвоили младшему отпрыску, а вообще-то по закону полагалось выделить ему хотя бы коня и меч. Впрочем, данное имущество сейчас было юноше ни к чему, ибо жил он пока при отце, хоть и исполнился ему уже шестнадцатый год. Да и барон строго-настрого запретил сыну покидать пределы имения.

Слуги и домочадцы, стремясь угодить хозяину, обращали на Эдана внимания не больше, чем на таракана, ползущего по потолку, и норовили при случае пнуть его побольнее. Однако с каждым годом все реже и реже, потому как к шестнадцати годам внешне хрупкий, субтильный юноша мог вполне уверенно дать сдачи, а то и вызвать на дуэль. А вот кто, вопреки строгому запрету старшего Тарницы, обучил младшего сына владеть мечом, так и не выяснили.

Чем старше становился Эдан, тем меньше окружающие старались его затрагивать. Тяжелый, угрюмый и злой взгляд холодных синих глаз мог пригвоздить к месту кого угодно. Кстати, друзей у него никогда не водилось, а соседи юношу недолюбливали, обзывая малахольным. Поэтому закадычными приятелями младшего баронского отпрыска стали одиночество и книги...

Сколько юноша себя помнил, единственным местом, где ему удавалось скрыться от вездесущих насмешек, была библиотека. Там он просиживал часами: сначала прячась от окружающих, позже – уже целенаправленно штудирова пыльные фолианты по истории, алхимии и медицине. С двенадцати лет Эдан Тарница искал способы исчезнуть из окружающей его действительности. Все попытки бегства из дому терпели крах одна за другой. Барон, которому бы

радоваться, что нелюбимое чадо наконец-то стигнуло с глаз долой, сам каждый раз возглавлял погоню, возвращая нерадивого обратно и закатывая тому знатную трепку.

В выборе средств исчезновения Эдан был осторожен и прихотлив, отвергая большинство из них из-за трудоемкости и болезненности. Яды не прельщали его по причине сложности добывания и приготовления. А смерть от клинка он отверг сразу же, от корки до корки прочитав иллюстрированный фолиант «Ранения хладной зброей нанесенные: легкие, тяжелые, смертельные».

К тому же от яда можно найти противоядие, а рану залечить, благо и алхимик, и целитель при бароне имелись. Эдан уже отчаялся отыскать оригинальный способ перехода в иное состояние бытия, как вдруг однажды, роясь на верхних, никого не интересовавших полках, наткнулся на старый тяжелый том, переплетенный в телячью кожу с медными литыми застежками. Потемневшая от времени золотая вязь недвусмысленно гласила «Заклинательство: демонов призвание и усмирение». А в конце фолианта обнаружился весьма занятный раздел, состоявший всего из двух глав, но стоивший того, чтобы перевернуть библиотеку вверх дном. Поименован он оказался просто и незатейливо: «Смерть и договоры с нею».

Юноша возликовал: в главе первой давались четкие инструкции воззвания к Слепой Гостье, с последующей передачей госпоже своей мизерной души. Текст воззвания прилагался. А главное, обряд не требовал ни магических навыков, ни рунической грамоты, ни прочей специфической атрибутики, простым смертным недоступной. Имелась, правда, на полях пометка «только для др.» и «зри далее», да еще какая-то корявая цифирь, нанесенная расплывшимся от времени химическим карандашом, но Эдан предпочел ее проигнорировать.

Сложнее всего оказалось незаметно вынести книгу из библиотеки, но и эта проблема вскоре была решена. И теперь младший сын господина барона, милсдарь Эдан, с нетерпением любовника, алчущего возлюбленной, ждал наступления ночи, дабы избавить отчий дом от своего присутствия, а себя от враждебного окружающего мира...

* * *

Дорога серой пыльной лентой стелилась по земле, все дальше уходя от холмов на равнину. Выгоревший вереск невнятно шелестел за спиной, оставаясь охранять древние могилы. А впереди лежал высушенный солнцем болотный клин и пыльный тракт, змеей вившийся меж зарослей ковыля и полыни. Эта часть территории Древних никогда не была густо заселена, посему, когда скомканный лист волшебного мира расправился и вольготно разлегся в мире людей, склеившись с ним воедино, большинство городов оказалось человеческими. Но лояльность местного населения к волшебным пришельцам очень скоро это исправила, смешав разномастные народы в абсолютный винегрет. Жители провозгласили свои города Свободными и существовали как хотели, не особо заморачиваясь территориальной принадлежностью...

– Шири-и... – тоскливо простонало за спиной у Поводыря.

– М-м? – невнятно откликнулся он.

– Давай остановимся-а, – жалобно хныкнула Арьята, указывая на придорожную криницу, расположившуюся в тени четырех ив, за которыми, шурша выгоревшим тростником, простирался болотный клин. Здесь Курганов большак вливался в Пустошный тракт и поворачивал на Далеград. Некогда этот город, как и немногочисленные его соседи, носил совсем другое имя, куда более привычное и приятное слуху их коренных обитателей. Но павшая по воле древних Граница многое изменила, сомкнув два разрозненных мира, словно половинки строптивой устрицы, из которой попытались извлечь жемчужину.

– Зачем? По-моему, еще никто с ног не валится... – сухо бросил одноглазый воин.

– Я валюсь... – продолжила канючить девчонка, – коленки болят, поясница затекла... вот сейчас лягу тут и умру! – вынесла вердикт она.

– Умирай, – согласился Шири, – надоест, догонишь.

– Чурбан бесчувственный, вот ты кто! – Арьята ткнула его кулачком в плечо. – Даже к Смерти никакого сочувствия!

– Вот уж точно кто в моем сочувствии не нуждается, – иронично хмыкнул Поводырь.

– Ну, Шири... Тебя что, кто-то в спину гонит?

– Да, – откровенно признался он.

– Кто? – мгновенно заинтересовалась Арьята, с любопытством поглядывая на товарища.

О своих похождениях в одиночку Шири всегда умалчивал, на все расспросы своей любопытной вedomой отвечая, что чем больше она будет знать, тем хуже станет спать. И Арьята сильно подозревала, что в один прекрасный момент эти самые похождения, а то и их последствия постучатся в ворота Круговерти, требуя выдачи виновного...

– Она. – Поводырь обернулся и указал пальцем на теряющуюся в раскаленном мареве линию горизонта.

Менестрель прищурилась и взглянула туда, куда указывал Шири. У самой кромки, там, где купол неба смыкался с раскаленной землей, начинала едва заметно проступать темная клубящаяся полоса.

– Гроза? Так она же еще далеко!

– Даeni, мы прибудем в Далеград только к вечеру, и мне очень бы хотелось обогнать ее.

– Да ладно тебе. Не сахарные, не растаем! – фыркнула Арьята.

– Даeni, тебе напомнить, что в таких грозах имеет обыкновение путешествовать Дикая Охота⁶? – начиная раздражаться, ответил Поводырь. – Я понимаю, тебе она вряд ли помешает, но я и наш вынужденный попутчик всего лишь люди...

– Ши, хоть на полчасика... немножко остыть в тени, – продолжала упрашивать его девочка, заискивающе глядя в глаза. – Если меня хватит солнечный удар, – тон сменился с просительного на угрожающий, – ты же первый потом будешь жаловаться, что пришлось всю дорогу до города тащить меня на руках, – мстительно закончила Арьята.

Шири окинул ее страдальческим взглядом, и Смерть мгновенно изобразила готовность хлопнуться в обморок.

– Ладно, – покорился он. – Эй, парень, сбавляй обороты! Привал!

Юноша механически свернул к ивам. За последние несколько часов он не проронил ни слова, держась чуть впереди своих невольных попутчиков.

Арьята тут же принялась усердно шуровать журавлем, пытаясь наполнить разохшееся деревянное ведро. Прodelать это оказалось не так-то просто, ибо столь манящая влага из-за несусветной жары находилась довольно глубоко, призывно поблескивая в обомшелом квадрате сруба. Хоть ты сам туда кидайся – сразу и остынешь, и напьешься. В конце концов ей удалось зачерпнуть достаточно воды. Но пока девочка подняла ее наверх, половина успела вылиться сквозь щели.

– И на том спасибо... – пробормотала она, окуная флягу в ведро. Вода захлюпала, наполняя емкость.

Шири бросил рюкзак под ближайшую иву и расправил затекшие плечи, потягиваясь, словно кот. Иль опустился у соседнего дерева и, привалившись к стволу, закрыл глаза. Поводырь искоса взглянул на него. Мешковатая одежда явно ему велика и наверняка с чужого плеча. Прическа на манер спудеев-послушников: черные волосы, стриженные под горшок, несколько длинных прядей сзади обмотаны тесемкой. Черты лица, тонкие и резкие от природы, еще более заострились за последние дни.

⁶ Дикая Охота – согласно скандинавской легенде, бог Один со своей свитой носится по земле, собирая души людей. Если кто-либо встретится с ними, то попадет в другую страну, а если заговорит, то погибнет. В Британии бытует версия о том, что охоту возглавляет король или королева эльфов, они могут похищать встретившихся детей и молодых людей, которые становятся слугами эльфов.

«...И какой шайтан дернул его в ученики к мечнику податься? – мрачно подумал он. – Шел бы лучше в пажи – для него самое то. Мордочка смазливая: не то парень, не то девка, не разбери-поймешь... Тьфу!» – досадливо сплюнув, Поводырь вынул клинок из ножен и шагнул к Илю.

Не успел юноша расслабиться, как нечто холодное и острое кольнуло шею. Иль открыл глаза и недоуменно воззрился на Шири. Клинок подрагивал в миллиметре от кожи.

– Эй, ты чего удумал?! – испуганно пискнул юноша.

– Поднимайся. Хочу посмотреть на твои способности, – резковато откликнулся Поводырь.

Иль продолжал недоуменно таращиться на него.

– Я про клинок на твоей спине, парень. Ты его там для красоты носишь? Дорога нам предстоит неблизкая и небезопасная. Одно небо знает, что может случиться. Уж извини, но в случае возникновения проблем защищать я должен daeni, а не тебя.

Парнишка нехотя поднялся и лениво потянулся к оголовью меча. Шири окинул его пристальным взглядом.

«...И какого шайтана этот недоросль до сих пор в куртке? – удивленно подумал он, разглядывая потертую, чуть не наглухо застегнутую ветровку Иля. – На дворе жарница, словно в бане...»

– Курткуними! – потребовал Поводырь.

– Мне и так неплохо, – буркнул Иль, одергивая затертую, некогда вишневую, а теперь бурую ветровку.

– А снимешь – вообще хорошо станет. Ну же, шевелись!

– Не нукай, чай, не запряг! – огрызнулся юноша, но куртку все-таки снял, бережно сложив возле дерева, оставшись в широкой, явно с чужого плеча рубахе, перехваченной в поясе ремешком. Одежка бесформенной хламидой висела на худеньких плечах.

«...И чего его в ученики к мечнику понесло? – вновь подумал Шири, оглядывая щуплую фигурку. – Щупленький, бледненький, глазищи большие перепуганные... Колдун, тьфу!»

Поводырь неторопливо крутанул в руке меч, приглашая к поединку. Иль неподвижно застыл напротив, судорожно вцепившись в рукоять. Может, если он сделает вид, будто держит меч в первый раз в жизни, светловолосый зануда от него отстанет?

– Ну, чего стоим, кого ждем? – нетерпеливо осведомился Поводырь Смерти.

– Энгарт говорил: если начнешь поединок первым – отдашь противнику половину имущества.

– Дурак был твой Энгарт, земля ему пухом, посему и покоится сейчас в бозе...

– Ты... – лицо Иля исказилось от ярости.

– Мальчишка, – прервал его Поводырь, – здесь тебе не тренировочная площадка. Это жизнь, где либо ты, либо тебя, – закончил Шири, проводя удар. Иль неуклюже парировал, попытался атаковать, и противник без труда выбил меч у него из рук.

– Ты убит, – констатировал он, наблюдая, как юноша поднимает клинок. – Становись.

Тот с унылой покорностью вернулся на исходную позицию. Поводырь окинул его взглядом и страдальчески закатил глаза. Вернул свой клинок в ножны и решительно направился к Илю.

– Это вот чего? – вкрадчиво осведомился он. – Что это за ужас, я тебя спрашиваю? Кто тебя учил так меч держать? Хотя о чем я спрашиваю... Так! Во-первых, меч не девка, незачем его так тискать. Ослабь пальцы, не напрягай кисть. Во-вторых, зачем ты так скукожился?! Распрями спину! (*Шлепок.*) Так, живот втянул (*Тычок.*)...

Арьята заметила, как бледное лицо Иля наливается краской ярости.

«...Ох, как бы Ши палку не перегнул...» – забеспокоилась она.

– ...зад подобрал! (*Шлепок пониже спины.*)

И тут паренек не выдержал... Резкий взмах рукой, и Поводыря отшвырнуло на добрых три метра, хорошенько приложив о землю и протянув по траве.

– Какого черта ты ко мне прицепился?! – взорвался Иль. Между его тонкими пальцами проскакивали голубоватые искры. – Тоже мне, возомнил себя великим учителем! Мастеру Энгарту и в подметки не годишься...

– Может, и так... – Шири неспешно поднялся на ноги. Единственный глаз недобро сверкнул. Арьята сдавленно пискнула и поспешила к Поводырю. – Может, так оно и есть... Но твой разлюбезный мастер не придумал ничего лучше как навязать тебя мне! – Его голос звенел, набирая силу.

– Э-э-э? – юноша ошарашенно уставился на него. – Нет... не может быть. Ты лжешь!

– Да? – мужчина недобро сощурился и дернул пальцами ворот безрукавки. – Смотри! Думаю, ты знаешь, что ОНА означает! Ну же, чего нос воротишь!..

– Ш-ш-ш... спокойно... – Поводырь ощутил, как плеча коснулась ладонь Арьяты. Бурлившая внутри ярость разом схлынула, оставив после себя горький осадок.

– Печать последней воли... – безжизненно произнес заметно побледневший Иль, разглядев ожог на груди Шири. – Зачем? Не нужно было... Энгарт из-за меня погиб... меня защищал... Твоя защита мне не нужна! – Последнюю фразу он выкрикнул срывающимся голосом.

– А это уже не тебе решать, – вздохнул Поводырь, – и не мне... Но умирать за тебя я не собираюсь, за это не бойся... – закончил он, криво усмехаясь.

– И на том спасибо, – буркнул юноша, – но говорю сразу, драться с людьми меня не учили.

– А с кем учили? – любопытствовала Арьята, понимая, что гроза миновала.

– С демонами, – мрачно откликнулся тот.

– Ты серьезно? – такой ответ заставил Шири опешить.

– Серьезней некуда, – вздохнул Иль. – Мой отец демонолог, мастер Энгарт – охотник на демонов – с ним в паре работал.

Поводырь и девочка переглянулись – час от часу не легче.

– А отец где? – настороженно в один голос спросили они.

– В Белгородно.

– Ну, хоть какой-то луч света в этом темном царстве, – покачала головой Арьята.

Шири молча подхватил рюкзак и направился к дороге, показывая, что привал окончен. Менестрель с юношей поспешили за ним.

– Все будет нормально. – Арьята успокаивающе потрепала Иля по плечу. – Шири – он хороший. Просто он не привык защищать кого-то, кроме меня... Да еще по принуждению.

– Ну, так в чем проблема? – проворчал паренек. – Пусть тебя и защищает.

– Ты не понял, – улыбнулась Смерть. – Шири все еще не смирился с тем, что меня защищать не нужно...

Глава 4

Хельги пришел в себя ближе к вечеру. В голове противно гудело, все тело ныло, будто его заставили таскать гранит в каменоломне, в висках стучало, и страшно не хотелось открывать глаза, а пришлось... Первым, что увидел демонолог, стало недовольное лицо Шайритты.

– Лекарь предупредил: еще одна такая твоя выходка в подобном состоянии, и я могу его уже не звать, – мрачно сообщила она.

– Почему? – пересохшими губами прошелестел Криэ.

– Потому что вы представитесь мгновенно, мессир, – невозмутимо закончила клинок, подсовывая ему под нос чашку с травяным отваром.

Хельги заставил себя подтянуться до полусидячего положения и выпить несколько глотков. Внутренности мгновенно взбунтовались против такого надругательства, и лишь усилием воли демонологу удалось подавить внутренний мятеж и мужественно допить горьковатый взвар.

– Вот так всегда, – выдавил он, все еще прислушиваясь к недовольному нутру, – ни «как вы себя чувствуете, мессир», ни «я так волновалась, мессир»... – Мужчина неопределенно махнул рукой, надеясь этим жестом передать всю сердечную черствость Шайритты.

Клинок фыркнула и обиженно отвернулась.

Снизу послышался стук в дверь, и Шай поспешила в коридор. Спустя минуту из прихожей донеслась приглушенная возня и пререкания. Один из голосов принадлежал Шайритте, обладателя второго Хельги так и не смог определить.

– Шай, кто там? – крикнул он. Возня и спор на секунду затихли и тут же возобновились с новой силой.

Чертыхаясь сквозь зубы и поминая про себя всю известную ему классификацию демонов, Криэ по стеночке выбрался в коридор и перегнулся через перила, вглядываясь в полумрак гостиной. Шайритта вполголоса ругалась с наступавшим на нее Мираниэлем. Эльф жадно добивался встречи с хозяином дома.

– А, это вы, Мираниэль, – как можно тверже и громче произнес демонолог.

И клинок и визитер немедленно обернулись в его сторону.

– Мессир, кто вам разрешил вставать?

– Шайритта, если тебя не затруднит, проводи, пожалуйста, почтенного Мираниэля ко мне, – сухо отрезал Хельги, возвращаясь в комнату.

Когда клинок и помощник градоправителя переступили порог опочивальни господина демонолога, Криэ уже снова находился в постели и едва успел подавить очередной приступ головокружения после вынужденной прогулки в коридор. Столкнувшись с неодобрительным взглядом Шайритты, Хельги подарил ей обворожительную улыбку, а затем обернулся к эльфу:

– Что же в этот раз привело достойного из достойнейших в дом бедного демонолога? – саркастически осведомился он.

– Мне уйти? – не дав эльфу ответить, спросила Шай.

– Нет, останься. Иначе, кто будет напоминать мне о том, сколь я слаб сейчас, и удерживать от немедленного решения податься в город с господином Мираниэлем? – иронично хмыкнул Хельги.

– Как вы... вы... – господин Мираниэль вскинул руку ко лбу, будто пытался защититься, – как вы посмели меня «читать»?! – в негодовании воскликнул он.

– Я не знаю закона, который бы это запрещал, – усмехнулся Хельги. – К тому же вы слишком громко думаете. Итак, друг мой, раз уж вы здесь, поведайте, что же творится сейчас в городе?

Эльф обиженно надулся в ответ.

– Ну же, избавьте меня от копания в вашем сознании, – подтолкнул его к беседе демонолог, – поверьте, меня меньше всего интересует некая Циня Застальская, и еще меньше – что скажет достойная Ллилиэль, когда о ней узнает...

Мираниэль залился краской до корней волос и на-конец-то сообразил поставить экран от нахального телепата.

– Так-то лучше, – вздохнул Хельги. – Как складывается ситуация в городе?

– А как вы думаете? – огрызнулся эльф. – Слухи расползаются быстрее чумы. Жители боятся. Какой-то дурак обвинил в произошедшем вас, и теперь полгорода считает, будто это вы запугали градоправителя и заставили его дать разрешение на вызов демонов...

– Что за чушь, – проворчал Криэ, – даже при большом желании я в своем теперешнем состоянии не смог бы вызвать и захудалого призрака-спирита, не говоря уже о демонах... А утром вообще не использовал подобную магию.

– Толпа, сами знаете... – буркнул Мираниэль.

– Да уж, злые языки страшнее пистолета... – покачал головой Хельги.

– Что, простите?

– Ничего, это из древней литературы... А как обстоят дела в Лекарском квартале?

– А что? Пустырище оцепили стражей, народ в соседних домах предупредили. Но этого недостаточно. Чем ближе к ночи, тем хуже. На пустыре не пойми чего творится. Стражники боятся. Зато всякие недоумки лезут, словно мухи на мед.

– А точнее, мотыльки на огонь... – пробормотал демонолог. Все разворачивалось так, как он и предполагал. Да уж, свинью градоправитель ему подложил знатную.

– ...уже поймали одного доморощенного некроманта и двоих представителей учения о конце света, которым ну очень хотелось иметь ручного демона «хоть ма-ахонького», – противно-пародийным тоном протянул эльф. – Стража чувствует себя неудобно. Они утверждают, будто какая-то дрянь уже пыталась прорваться наружу, но не смогла переступить ваши защитные печати. Его светлость Кьель-ши рвет на себе волосы...

Представив кружащиеся по кабинету градоправителя пурпурные клочья, Хельги непроизвольно фыркнул.

– Раньше думать надо было, – вслух напомнил он. – Я его предупреждал. Если бы достойный Кьель-ши так не спешил, словно его бес вилами в спину толкал, я бы успел разобраться во всем этом. И всего того, что мы имеем сейчас, удалось бы избежать.

– Все это ясно и так, – проворчал Мираниэль. – А что вы можете предложить сейчас, мэтр?

– Можно подумать, его светлость меня послушается, – хмыкнул демонолог, пытаясь поудобнее устроиться на кровати и подоткнуть сбившуюся подушку.

– Послушается, не беспокойтесь, – с мрачной решимостью откликнулся заместитель его светлости.

– Тогда соберите всех имеющих в городе ведьмаков и охотников на нежить и поставьте дежурить вместе со стражей.

– Не думаю, что найдем их в достаточном количестве. Белгородно не такой уж большой город, – с сомнением покачал головой эльф. – Да и вряд ли кто-то из них захочет в это ввязываться. А захотят, так такую цену заломят, что проще страже доплатить.

И в этом Мираниэль был абсолютно прав. Для того чтобы втянуть градоправителя в дополнительные расходы, к его горлу нужно приставить как минимум циркулярную пилу, и то не факт, что подействует.

– Тогда свяжитесь с ближайшей амбасадой⁷ Нейтральной зоны, пусть направят к нам чистильщиков, то бишь профессиональных охотников на нечисть.

⁷ Амбасада – дипломатическое представительство.

– Вы думаете, они смогут навести порядок на пустырище? – лично эльф очень сомневался в том, что обычные люди, да еще из Нейтральной зоны, окажутся здесь полезны.

– Не смогут, – спокойно откликнулся Хельги, – зато смогут противостоять тем тварям, которые оттуда вырвутся, не дай бог, конечно.

– А вы, мэтр?

– А при чем тут я?

– Мы можем рассчитывать на вашу помощь?

– Только на совет и утешение, по крайней мере, в течение ближайших двух-трех дней, – ухмыльнулся он.

– А потом?

– Вы хотите знать, смогу ли я разобраться с пустырем? По крайней мере, попытаюсь, если до этого меня не сожгут обозленные горожане. – Последнее предположение в свете утренних событий и ползущих по городу слухов уже не казалось демонологу таким абсурдным.

– Хорошо, я все передам его светлости. Поправляйтесь. – Засим достойный Мираниэль изволил откланяться, оставив демонолога наедине с Шайриттой.

Компаньонка не замедлила излить на голову Криэ чашу своего праведного гнева пополам с упреками.

– Женщина, – замогильным голосом осведомился он, – ты смерти моей хочешь?

– Что вы, мессир?! Как вы подумать такое могли?! – всплеснула руками Шайритта.

– Тогда примолкни на минуту, я думаю.

– Да пожалуйста! – обиженно фыркнула она, и через секунду на одеяле, тускло поблескивая лезвием, лежал меч.

– Эй, я же просил всего лишь помолчать, а не уходить! – воскликнул демонолог. Клинок отозвался недовольным звоном. – Шай, вернись, пожалуйста! – Клинок молчал.

– Ну и пес с тобой, – пробормотал Хельги, но меч в ножны вкладывать не стал, оставил на столике у изголовья...

* * *

Гроза надвигалась с неотвратимой быстротой, затянув уже больше половины неба. Далекие бледно-золотые зарницы то и дело разрывали плотную черноту туч. Поднялся ветер. Мягкая дорожная пыль летела в глаза. Трава у обочин услужливо пригибалась и шуршала под резкими порывами ветра, подгонявшего темные тяжелые тучи и толкавшего в спины троих путников. Люди старались, из последних сил спеша достигнуть ворот Далеграда раньше, чем разразится непогода.

– Даені, чехол непромокаем? – поинтересовался Шири, ощупывая ткань на гитаре.

– Конечно, а что?

– Боюсь, мы все-таки намокнем. Гроза идет все быстрее, а мы все медленнее. Иль вон вообще еле плетется...

Они остановились на вершине холма, поджидая паренька. Внизу в долине лежал Далеград. Юноша уже едва шел, подволакивая левую ногу. Шири недовольно покачал головой. Он уже и сам был не рад, что рассказал о печати пареньку. Но слово не воробей, а очень даже голубь, – вылетит, нагадит и смоемся.

– Ты можешь идти быстрее, юноша? – угрюмо спросил он. – Не хотелось бы намочнуть только из-за того, что твои изнеженные ноги не выдержали заданного темпа.

– Так, может, понесешь? – зло огрызнулся парнишка, исподлобья глядя на Поводыря.

– Мастер...

– Что «мастер»? – не понял Иль.

– «Так, может быть, понесешь меня, мастер?» Если уж на то пошло, – ехидно осклабился Шири.

– Я к тебе под опеку не набивался, – буркнул юноша.

– Эй, кто-то не хотел мокнуть! – оборвала начинавшуюся перепалку Арьята, вглядываясь в надвигавшиеся тучи. – К тому же твои опасения оправдались, Ши.

– А?

– Дикая Охота. – Девочка указала на белесые фигуры, то выныривавшие, то исчезающие в черноте грозовых туч. Зрелище воистину было феерическое: наряду с зарницами сквозь тучи то тут, то там прорывались призрачные всадники в полуистлевших доспехах. С каждым раскатом грома конские скелеты запрокидывали головы, и казалось, что это они вместо ржания исторгают грохочущие раскаты.

– О, шайта-ан! – с разочарованием протяжно выругался Поводырь. – Бежим!

Несмотря на то что дорога шла под уклон, Иль все равно отставал. Когда спустились к подножию холма, он уже отчаянно хромал на обе ноги. Шири, окинув его скептическим взглядом, тяжело вздохнул: похоже, парень действительно изрядно стер себе ноги. Но останавливаться посреди дороги и выяснять, так ли это, не осталось времени. Дикая Охота и не думала замедляться.

– До города дотерпишь?

Иль молча кивнул в ответ.

Тесовые ворота, окованные тяжелыми полосами железа, оказались распахнуты настежь. Ров пересох, и дабы не тратиться еще и на содержание подъемного моста, ушлые горожане перед воротами засыпали его землей. А высокая городская стена, сложенная из серого изъеденного временем и стихиями камня, являлась скорее данью славному прошлому, когда Далеград еще лежал по ту сторону Границы, не соприкасаясь с человеческим миром. После окончания войны тогдашний градоправитель настрого запретил строиться за воротами, но предприимчивые жители нашли лазейку, и город постепенно разросся вширь, не затрагивая местности у ворот. А посему городские стены сходили на нет уже через несколько сотен метров, уступая место уютным коттеджикам, утопавшим в цветах и зелени. Из-за такой странной застройки Далеград напоминал перетянутую лентой цветную скатерть, где роль ленты отводилась воротам и остаткам стены. Имелся при воротах и другой пережиток прошлого – стражники, сонные и облевившиеся. Арьята сотоварищи, влетев под арку, едва не сбили с ног двух дебелих представителей городского порядка.

– Эй, куда спешите, любезнейшие? – совсем нелюбезно осведомился один из них.

– Дикая Охота!.. – хватая ртом воздух, выдавила Арьята. – В грозе...

– Гля, совсем ополоумела девка... – возмутился стражник, – какая охота... день на дворе!

– Кликните караульную башню, если у вас самих глаза жиром заплыли! – рявкнул Шири. – На город надвигается гроза с Дикой Охотой. Через десять минут вам станет уже не до смеха!

– Да за оскорбление стражи... – закончить свою угрозу представитель оной не успел.

– Дикая Охота! – раздался вопль с караульной башни. – Дикая Охота на город идет!

Стражники переглянулись и кинулись бить тревогу, напрочь забыв о непочтительных пришлецах. Те не замедлили отойти подальше от ворот и затеряться в узких городских улочках. К тому же им предстояло позаботиться об укрытии и для себя.

На запыленную мостовую уже летели первые капли грядущего ливня, когда они, наконец, ввалились в какой-то трактир, шумно захлопнув за собой дверь. Пока глаза приспособлялись к тусклому освещению, троица стояла на пороге, шурясь и глупо моргая. Немногочисленные посетители успели достаточно рассмотреть вновь прибывших, и, не найдя в них ничего примечательного, вернулись к своим тарелкам и кружкам. На улице сверкнуло, озарив внутренность трактира холодной вспышкой. Оглушающий раскат грома заставил грязные стекла

отозваться противным дребезжанием. Хлынул ливень. К завываниям ветра то и дело примешивались леденящие душу стоны Дикой Охоты.

Тощий, словно щепка, трактирщик с густой щеткой седых усов и головной повязкой, скрывавшей не то рога, не то позорное клеймо, окинул посетителей взглядом и скрипуче заинтересовался: «Что любезнейшим надобно?»

– Комнату на ночь, – устало заявила Арьята.

– Одну? – дотошно уточнил трактирщик, еще раз пристально оглядев странную троицу.

– А у вас есть сомнения? – иронично заломила светлую бровь девчонка.

Судя по взгляду, сомнения у хозяина были, да еще какие! Не часто у него требовали комнату на троих молоденькая менестрелька, одноглазый мужик явно бандитской наружности и... то ли парень, то ли девка при мече, поди этих колдунов разбери. А то, что чернявый спутник менестрельки – колдун, трактирщик определил сразу. Ибо кто же еще придумает на шее столько амулетов таскать, как не чаровных дел мастер?

Поняв, что «госпожа менестрель» изволит говорить серьезно и к шуткам не расположена, трактирщик решил: отринуть все сомнения будет значительно проще, чем теряться в догадках, и назвал цену:

– Пятнадцать гривенков извольте.

Троица переглянулась со смесью недоумения и удивления. Иль даже рот открыл от названной суммы.

– Ну и заломил же ты, почтеннейший, – протянула Арьята. – Десять!

– Эх вы хотите! – возмутился хозяин. – Десять – это ежели двое в комнате, а вас, уж простите, трое! Еще, небось, и ванную пожелаете с дороги, и постелю чистую...

– Пожелаем, – утвердительно кивнул Поводырь, – и ванную, и постель, и кота, чтобы перед сном помурлыкал.

– Как можно, господин! – всплеснул руками трактирщик. – Отродясь животину в комнаты не пускали – она ж блохастая! А ну как среди ночи кусать вас начнут?

– Кто, коты? – не понял Иль.

– Да боги с вами! Блохи, блохи...

Шири фыркнул в кулак. Арьята рылась в кошельке, усердно пытаясь спрятать улыбку от хозяина.

Отсчитав семь с половиной гривенков, она высыпала монеты на стойку.

– Остальное – утром, – пояснила менестрель.

Хозяин кивнул, не слишком довольный таким раскладом.

Попав в комнату, Арьята поняла, что еще и переплатила, ибо семи с половиной гривенков было более чем достаточно за весь ночлег в убогой каморке с деревянными стенами и затоптанным ковриком непонятного цвета. Причем некоторые пятна подозрительно напоминали кровь. Продавленная и страшно скрипучая кровать оказалась застелена сомнительной чистоты покрывалом. Шири тут же предположил, что в оной водятся не только блохи, но и клопы, причем и те и другие попали туда без кошачьей помощи.

– Предлагаешь ночевать на улице? – спросила Смерть, осторожно тыкая кровать пальцем и прикидывая, провалится та, когда они улягутся на нее всем скопом, или еще постоит?

– Предлагаю пойти поискать другой трактир, предварительно потребовав с хозяина этого убожища все свои деньги плюс столько же за моральный ущерб, – откликнулся Поводырь, подходя к окну и дергая щеколду. Та поддалась, но створки остались недвижимы. Присмотревшись, Шири обнаружил, что окно заколочено.

Иль тем временем плюхнулся на кровать (в днище что-то хрупнуло, и на пол посыпалась труха) и спешно расшнуровал ботинки, привлекая внимание спутников душераздирающим стоном. Шири скептически посмотрел на отеки ступни юноши: левая в нескольких местах оказалась стерта до крови, а на правой наливались два крупных волдыря.

– Боюсь, завтра он вообще не сможет идти, – вынесла свой вердикт Арьята, присоединившись к осмотру.

Иль утвердительно простонал.

Поводырь, покопавшись в рюкзаке, извлек несколько плоских флакончиков и бинт.

– Daeni, принеси, пожалуйста, воды и спроси у хозяина, где здесь можно купить сандалии...

Девчонка посмотрела на свои сандалеты, затем перевела взгляд на Иля и прыснула смехом. Шири покачал головой.

– Ладно, – вздохнул он, – тогда просто принеси воды.

Полчаса спустя, когда пострадавшие конечности обработали и перебинтовали, а Иль перестал душераздирающе постанывать от каждого прикосновения к своим ногам, Арьята пришла к выводу, что пора бы подумать и о хлебе насущном. Желудок все громче выводил серенады о своей неразделенной любви к пище.

– Может, закажем ужин сюда и не станем никуда вылезать? – с надеждой осведомился Шири, только сейчас ощутив, как же сильно он на самом деле устал.

– И отдать коту под хвост еще несколько гривенков? – возмутилась менестрель. – В конце концов, если тебе так не хочется есть в общем зале, то можно спуститься, заказать и забрать еду сюда собственноручно.

– Угу... – благосклонно кивнул Поводырь, – если ты закажешь и заберешь...

– Ну, ты и наглец! – в негодовании воскликнула девчонка. – Нет чтобы самому поработать, так и норовишь спихнуть все на мои хрупкие плечи!

– Ну не все же тебе вредительствовать, – пожал он плечами, – должна и от Смерти польза быть... иногда... – Шири вальяжно развалился на кровати, потеснив юношу. Ложе под двойной тяжестью издало томный скрип. Количество трухи на полу резко возросло, а к темному углу со всех лап устремился перепуганный выводок каких-то членистоногих. Клопов или нет, никто рассмотреть не успел.

– А давайте я закажу, и вы не будете спорить? – устало произнес Иль, медленно поднимаясь на ноги и ковыляя к двери. Расшнурованные ботинки так и норовили слететь и гулко шлепали об пол.

Шири, увидев его хромающую, запинаящуюся походку, устыдился и немедленно поднялся с кровати, перехватив юношу посреди комнаты.

– Сиди уже, инвалид! Сам схожу.

– Давайте-ка все вместе спустимся, и никто не останется в обиде, – внесла свое предложение Арьята, подхватывая гитару и присоединяясь к Поводырю.

– Будешь петь? – слегка удивился Шири.

– Может, хоть часть денег верну... – вздохнула девочка.

* * *

После прокатившейся над городом грозы солнце уже больше не показалось, уступив место пасмурным сумеркам, сменившимся мягкой чернотой июльской ночи. То тут, то там с деревьев срывались крупные капли и шлепались в густую садовую траву. Где-то в глубине стрекотал сверчок. Вздрагивая, частью из-за ночной сырости, а частью от страха быть замеченным, путаясь ногами в мокрой траве, Эдан крался в самый отдаленный уголок сада, прижимая к груди толстый фолиант в потертом кожаном переплете. Он боялся, что жуткий ливень, обрушившийся на город перед закатом, зарядит на всю ночь. К счастью, дождь оказался сильным, но недолгим. И теперь юноша брел по ночному саду, оскальзываясь на мокрой траве и рискуя шлепнуться в лужу. Основательно продрогнув и собрав полные туфли росы, он добрался до старого садового колодца, из-за своей отдаленности забытого и не используемого вот уже

несколько десятков лет. Остановившись подле него, Эдан положил книгу на рассохшийся сруб и облегченно перевел дух.

От колодца тянуло затхлой сыростью и немного плесенью. На камнях обода поблескивали капельки воды, тускло светился кустик хиленьких гнилушек у самой земли. Озираясь, точно вор, который едва выбрался из барских покоев и не успел перелезть через стену, юноша спешно расстегнул пряжки и откинул тяжелую обложку. Окованные медью углы глухобрякнули о рассохшиеся доски. Эдан нервно дернулся. Присев на корточки, он нашарил в тайнике заранее припасенный фонарь. Зажечь его удалось лишь с четвертой попытки – огниво так и силилось выскользнуть из негнущихся пальцев и затеряться в густой спутанной траве. После нескольких неудачных попыток за стеклом затрепетал неверный огонек, а паренек уже поспешно перелистывал страницы, мягкими шлепками падавшие одна на другую. В нервной спешке он чуть было не пропустил нужный ему раздел. Разгладив разворот мокрой от волнения рукой, Эдан срывающимся голосом начал читать витиеватые строки, так и норовившие расплзтись, перепутаться и испортить все действие. На секунду ему показалось, что он слышит, как рвутся невидимые нити...

Темнота за колодцем уплотнилась и задрожала, готовая расступиться перед неведомым...

* * *

После обшарпанной комнаты общий зал трактира уже не казался путешественникам таким мрачным, как вначале. А может, все дело было в свечах, венчавших старую кованую люстру. С наступлением темноты хозяин зажег их, и теплый свет колышущихся огоньков значительно скрасил окружающую действительность. Да и народу, после того как они пришли, прибавилось. Кого-то в заведение загнал дождь, а кто-то пришел уже после, дабы поделиться впечатлениями. Ведь не каждый день над городом проносится Дикая Охота...

Арьята указала на пустой стол в углу подалее от стойки, и вся компания устремилась туда. Иль брезгливо поморщился, разглядывая темную, затертую множеством задов лавку, и, тяжело вздохнув, опустился на край. Шири с Арьятой недоуменно переглянулись и пожали плечами: лавка как лавка, им доводилось видать и похуже. Девочка осторожно поставила гитару, следя, чтобы та не уползла под стол. И принялась расстегивать чехол. Поводырь тем временем кликнул подавальщицу и озвучил заказ, не забыв напутственно шлепнуть девицу чуть пониже спины. Та захихикала и кокетливо погрозила ему пальцем. Менестрель чувствительно пнула спутника ногой под столом.

– Чего? – возмутился Шири.

– Сколько лет живешь, а из мрачного средневековья так и не вырос! – осуждающе проворчала Арьята.

Иль презрительно хмыкнул, выступив на стороне Смерти.

– Тоже мне... бюстители морали нашлись... – пробубнил себе под нос Поводырь, в который раз приходя к мысли, что в средневековье жилось не так уж и плохо.

Менестрель хотела еще и по шее его треснуть, да так и застыла с поднятой рукой.

– Меня зовут... – внезапно констатировала она. – И кому это неймется в такое время?

– Daeni, не дури, кому ты нужна... – хмыкнул Шири, предупреждая кладя руку ей на плечо.

– А вот это я сейчас и узнаю, – ухмыльнулась Смерть, исчезая в пространстве.

Иль недоуменно хлопал глазами, разглядывая опустевшую лавку.

– А... а она и так может? – удивленно выдавил он.

– Хе, она еще и не то может... – вздохнул Шири, – а последствия потом я разгребаю...

Но где же наш ужин?! Пойти поторопить, что ли? – пробормотал он себе под нос, но, наткнув-

шись на мрачную физиономию своего нечаянного подопечного, решил отринуть эту идею и смиренно дожидаться возвращения подавальщицы.

* * *

– ...засим вручаю тебе себя, дабы вела ты меня, как я буду вести тебя... – последние строки растворились в темноте сада. Воздух за колодцем подернулся рябью, и из темноты соткалась бесформенная фигура, закутанная во все черное.

– Засим принимаю клятву твою, – прозвенел чужой голос, – да исполнится договор!

Эдан почувствовал, как грудь обожгло холодом, а напротив сердца запульсировала и пропала руна смерти. Тень за колодцем подобралась, чуть подавшись вперед. Ей явно не терпелось покончить со своими обязанностями как можно быстрее.

– Чего нужно, смертный? – замогильно спросила фигура.

– В смысле? – запнулся Эдан. – Забирай меня!

– И все? – озадачено переспросила тень. В этот раз голос звучал абсолютно нормально. Обычный девичий голос, довольно приятный.

– Разве этого мало? – юноша окончательно растерялся – он как-то не ожидал, что от него потребуют еще чего-то. Вот тебе и наипростейший способ...

– Ни мести, ни справедливости, ни поиска истины? – вкрадчиво уточнил голос.

– Нет! Я просто хочу умереть! – незадачливый вызыватель уже пребывал на грани истерики. Тут, не ровен час, застанут на горячем, а Госпожа Смерть изволит ласы точить.

Из темноты послышался тяжелый и какой-то обреченный вздох. Заросли жасмина за колодцем таинственно заколыхались, повергнув юношу в трепет. Длинное темное одеяние, укутывавшее свою обладательницу тяжелыми складками, разлетелось черными клочьями. Где-то заухал филин. Над головой Эдана пролетела летучая мышь, заставив его втянуть голову в плечи. Арьята всегда любила обставить свое появление с наибольшим эффектом...

– Издеваешься, да? – спросила Смерть, выходя из тени.

Эдан в изумлении шарахнулся назад, поскользнулся на мокрой траве и шлепнулся в лужу, испуганно разглядывая появившуюся из тени колодца невысокую девушку, по виду его ровесницу. На ногах разболтанные сандалии, одета в брезентовые шорты и легкую блузку, вышитую цветами по рукавам и вороту.

– Т-ты кто? – только и смог выдавить он.

– А кого звал-то? – с усмешкой осведомилась гостья.

– С-смерть... – паренек запутался окончательно.

– Ну, так я – это она самая и есть, – ослепительно улыбнулась Арьята.

– А... э-э... А где все? И... и... скелет?

Девушка пожала плечами.

– Никогда не понимала, почему люди представляют меня в виде анатомического пособия с неким сельскохозяйственным орудием в дланях, – она протянула Эдану руку. – Поднимайся! Там же мокро!

Тому ничего не оставалось, как подчиниться. Рука у Смерти оказалась маленькая, сухая и теплая. Парень продолжал таращиться на Арьяту, как баран на новые ворота.

– А теперь, будь добр, объясни, что же тебя подвигло на столь жестокий шаг? – девушка заинтересованно рассматривала возмутителя ее смертного спокойствия.

– А?

– Почему ты решил стать моим Поводырем? – терпеливо повторила она.

– Поводырем? – Эдан чуть не поперхнулся. – Я не хотел становиться ничьим поводырем! Я просто хотел умереть! – он подскочил к колодцу и, схватив книгу, сунул ее под нос Арьяте. – Вот, здесь обряд добровольного ухода! Ты должна забрать мою душу! Если ты действительно

Смерть, – уже с некой долей скепсиса закончил он, в свою очередь не менее пристально разглядывая гостью.

– Смерть, Смерть... Смертельной не бывает, – утвердительно кивнула головой она. – Ты позволишь? – Арьята забрала у несчастного книгу и углубилась в изучение злополучной главы, а спустя несколько минут зашлась безудержным хихиканьем.

– Чего? – Недоумение Эдана росло с каждым мгновением.

– Все это было бы очень смешно, если бы не оказалось так грустно, – резко обрывая смех, ответила она. – Знаешь, тебе крупно не повезло, – голос этого полурбенка-полуженщины внезапно изменился, наполнившись теми металлическими нотками, которые Эдан уже слышал вначале. У него вдруг разом отпали все сомнения в том, что эта... это... действительно Слепая Гостья.

– Во-первых, какой-то шутник вклеил страницы не той стороной, а во-вторых, ты пал жертвой собственной невнимательности, не увидев меток на полях. Ну, и, в-третьих, там же ясно написано «только для др.», в смысле для древних! Люди не имеют права умирать, когда им вздумается, таковы непреложные законы этого грешного мира, – вздохнула Арьята, понимая, что небо в кои-то веки услышало ее просьбу и, расщедрившись, решило одарить приключениями полной чашей. Вернее, злключениями.

Когда все сказанное дошло до Эдана в полной мере, ему стало плохо, и парень, заметно побледнев, судорожно вцепился пальцами в крышку колодца, остро осознав всю правоту народной мудрости, гласившей: «жадный дважды платит, а хитрый дважды делает».

– Поэтому теперь ты мой Поводырь... – продолжила мстительно забивать гвозди в крышку его гроба Арьята. – Эй-эй! Только в обморок не надо падать! Вот так, вот и хорошо, вот и умница... – она похлопала его по щекам, приводя в сознание. – Ну, что же, э... как тебя зовут?..

– Эдан, – мрачно откликнулся тот, вдруг резко осознав, что в отчем доме ему жилось не настолько уж плохо, чтобы добровольно ввязываться во всю эту катавасию. Однако слово не воробей, а мысли умные, как водится, приходят после того, как оное вылетело и достигло нужных, или, что чаще, ненужных ушей.

– Ну, что же, Эдан, мой верный Поводырь, идем.

– Меня будут искать, – попытался слабо протестовать он.

– Конечно, будут, – согласилась Арьята, беря его за руку. – Но не ты ли еще несколько минут назад страстно мечтал покинуть сей дом и обрести свободу? Пусть и несколько, э-э-э, странным способом. Желания, знаешь ли, имеют неприятное свойство сбываться. Так идем же! У меня нет ни малейшего желания коротать ночь в сыром саду, рискуя заработать насморк. К тому же меня ждут друзья и горячий ужин.

Эдан покорно последовал за ней, увлекаемый сквозь тьму, неожиданно задумавшись над тем, а бывает ли у Смерти насморк.

– ...Хотя вполне возможно, что ужин меня не дождетя, проиграв здоровому аппетиту друзей, – пробормотала Смерть себе под нос.

Глава 5

Как известно, история творится под покровом ночи, предпочитая таинственность тьмы благостному свету, даже если это свет комнатного светильника... Поэтому ничто не выдавало того, что господин барон изволил в столь поздний час принимать гостя. Шторы на окне были плотно задернуты, не давая мягкому свету лампы проникать наружу и создавая иллюзию всеобщего покоя и дремоты. Гость, хоть и считался жданным и даже некоторое время назад званым, однако не вызывал у досточтимого Йозефа Тарницы особого желания вести вежливую светскую беседу. Да и сам неурочный визитер не располагал достаточным количеством свободного времени, чтобы, отдавая дань традиции, вести пустопорожние разговоры перед тем, как перейти к делу. Тонкие костлявые пальцы ночного пришельца, украшенные двумя перстнями с черным агатом, деловито перебирали по широкому подлокотнику резного кресла. Барон, проследив это движение, вновь обратил свой взор на лицо собеседника, наполовину скрытое капюшоном плаща, так что видны были лишь кончик крючковатого носа да тонкие бескровные губы, жесткой чертой выделявшиеся на бледном лице.

– Я слышал, ваш старший сынок совсем плох, господин барон, – вкрадчиво, но с некой долей насмешки проговорил гость.

Тарница непроизвольно сжал кулаки. Этот мерзавец еще и издевается!

– Право, друг мой, не стоит так нервничать, – поспешил успокоить его собеседник.

– В таком случае, может, прекратите пустопорожнюю болтовню? – резковато осведомился господин барон. – Вы вправе немедленно забрать этого ублюдка и вернуть здоровье моему сыну, как мы и договаривались.

– Если память мне не изменяет, у вас двое сыновей, – ухмыльнулся гость. Ему, кажется, доставляло удовольствие подначивать и без того раздраженного барона. – Так которого же из них мне забрать?..

– У меня один сын – Кристоф, и вы это прекрасно знаете! А этого... ребенка я согласился терпеть в своем доме по известной вам причине. И вообще, я ждал вас еще два месяца назад, когда ему исполнилось шестнадцать!

– Увы, пал жертвой обстоятельств, – с наигранной виноватостью развел руками гость. – Зато теперь могу забрать его немедленно.

Барон сдержанно кивнул и позвонил в звонок. Почти мгновенно на пороге покоев его светлости возник слуга.

– Приведи сюда Эдана, быстро! – приказал Йозеф.

Слуга молча кивнул и исчез в коридоре. Долго ждать не пришлось, однако и по возвращении посланец оказался один.

– Господин барон, господина Эдана нет в комнате, – растерянно промямлил он. – Его нигде нет...

– Что?! – взревел барон, подаваясь вперед.

Слуга сжался в комок и покорно повторил сказанное. Тарница нервно прошелся по комнате. Гость задумчиво наблюдал за ним из-под низко надвинутого капюшона.

– Поднять всех! – прорычал барон. – Весь дом на уши поставьте, но найдите мне этого ублюдка немедленно!

* * *

– Кажется, это за тобой, – спокойно произнесла Арьята, оглядываясь через плечо. В темноте сада слышались человеческие голоса, замелькали огни фонарей. Эдан затравленно ози-

рался, лихорадочно соображая, что делать. Похоже, его договор со Смертью будет разорван, так и не исполнившись. О возможной неустойке он постарался не думать.

Смерть, заметив колебания своего новоявленного Поводыря, успокаивающе сжала его ладонь.

– Послушай, ты ведь хотел сбежать отсюда, – вкрадчиво напомнила она, глядя юноше в глаза. – Сейчас я даю тебе такой шанс.

– Отец все равно найдет меня! – в голосе Эдана звенело отчаяние. – И тогда – несдобровать!

– Ты забываешь, кто я, мальчик, – ухмыльнулась Арьята. – Никто и никогда не посмеет безнаказанно забирать у меня то, что досталось мне по праву. Если только я не разрешу, – многозначительно закончила она, продолжая улыбаться своим мыслям.

– Прекрати называть меня мальчиком! – вспылil он. – Ты выглядишь не старше меня!

– Тогда решай быстрее! – начала раздражаться менестрелька.

Голоса раздавались все ближе, россыпь огней стала гуще.

– Эй, вон он! – раздался рядом чей-то обрадованный вскрик.

– Держи его!

– Ну? – Арьята выжидающе взглянула на Эдана.

– Я с тобой! – обреченно выдохнул он.

Девчонка поудобнее перехватила его ладонь и потащила за собой к ограде.

– Там же стена!

– Я знаю, – фыркнула она, – держись! – Менестрелька оттолкнулась от земли и взмыла вверх, увлекая за собой Эдана. Парень даже не успел понять, как очутился в воздухе и снова приземлился по ту сторону каменной стены. Он едва не упал, когда Арьята без всяких проволок кинулась вниз по улице, стремясь как можно скорее затеряться в темных недрах города...

* * *

Свечи в общем зале успели прогореть до половины, часть народу или поменялась, или вовсе ушла. Трактир начал погружаться в то дремотное состояние, когда закрываться еще рано, а притока посетителей уже не предвидится. Шири недовольно взглянул на часы. С момента, когда Арьята их столь поспешно покинула, минуло достаточно времени. Им уже принесли ужин, и тот весьма успешно осел в изголодавшихся желудках. Посуду, правда, так и не забрали, как и нетронутую порцию, специально оставленную для Арьяты. Еще раз взглянув на часы, Поводырь решил: если неугомонная Смертушка не появится через пять минут, то он отправится на поиски.

К столу осторожно приблизился трактирщик, заискивающе посматривая на угрюмого одноглазого постояльца. Шири наградил хозяина тяжелым взглядом и вернулся к созерцанию чеснотной плетенки в углу.

– Господин, – неуверенно начал трактирщик, – я смотрю, инструмент-то при вас...

– И? – лениво заломил бровь «господин».

– Дык это... сыграли бы, народ потешили... Глядишь, я бы с вас и плату оставшуюся не брал...

Поводырь смерил трактирщика недовольным взглядом.

– Инструмент не мой, – буркнул он, – хозяйка придет, ее и просите.

– А когда почтеннейшая придет? – не желал отступать хозяин заведения.

Шири лишь мрачно засопел в ответ.

– С минуты на минуту... И вообще, почтеннейший, вам что, заняться больше нечем, как терзать усталых путников дурными вопросами? Вон вас у стойки народ ждет, пива алчет, – пришел Иль на помощь Поводырю.

Трактирщик, еще немного потоптавшись возле стола, ушел несолоно хлебавши, оставив их в покое. Но стоило верному спутнику Арьяты расслабленно прикрыть уцелевший глаз, как вакантное место внешнего раздражителя занял Иль.

– Шири...

– Мастер, – угрюмо одернул паренька он.

– Хорошо, – тот решил пока не собачиться по мелочам, – мастер Шири. Ты умеешь играть на гитаре? – в голосе телепата слышалась явная заинтересованность.

– Нет, – откровенно солгал Поводырь, спеша закрыть скользкую музыкальную тему. Гитара, стоявшая рядом, скользнула по полу и чуть не съехала под стол.

– Шайтан! – Товарищ Смерти едва успел схватить инструмент за гриф, не давая ему стукнуться об пол. Если Арьята найдет на своей любимице хоть одну малюсенькую царапину, то тут и небу жарко станет.

– Чего «шайтан»-то? – пользуясь разомлевающим состоянием Шири, Иль решил прояснить давно засевший в голове вопрос.

– М-м? – не понял тот.

– Ты же вроде европеец. Если я ничего не путаю, то или мадьяр, или румын. Но поминаешь все время шайтана, а не черта, лешего или еще какую-нибудь местную нечисть!

Поводырь лениво смерил юношу взглядом. Илю на секунду показалось, что за неумеренное любопытство его пошлют сейчас куда-нибудь лесом. Но сытная еда и теплое помещение настроили одноглазого на умиротворяющий лад, и он соизволил прояснить ситуацию:

– В году 1217 от Рождества Христова, – напевным тоном, подражая историку-летописцу, произнес Шири, – случилась крупная буча, позже названная Пятым крестовым походом. А в войске Андраша, короля венгерского, неизвестно за каким лядом впутавшегося в заведомо провальную компанию, оказался некий восторженный рыцарь по имени Шириган Йонсу, давший обет не стричь волос, пока не увидит Гроб Господень. – Иль сдавленно хихикнул: да уж, рыцарь действительно оказался не в меру восторженным. Поводырь смерил его неодобрительным взглядом, и юноша загнал смех поглубже. – Через год король Андраш, плюнув на бесцельное шараханье по пустыне, вернулся домой. А тот рыцарь загремел в плен к сарацинам. – Шири криво усмехнулся. – Мне еще повезло, что не казнили и не оскостили. Сильные руки нужны везде, и я угодил на галеру. Со мной на весле сидел один из бывших врагов. За что они своего же в рабство засунули – не знаю. Шайтана парень поминал к месту и не к месту. Это было первое слово, которое я выучил на их языке.

– Как ты выбрался оттуда? Сбежал?

– Нет. В одном из портов меня выкупил соотечественник. Шрамы от кандалов и кнута зажили, а вот словечко оказалось прилипчивым. Сначала пытался избавиться, потом плюнул и решил, пусть остается. – Поводырь отхлебнул из глиняной кружки. Пиво уже успело нагреться, но для промачивания горла вполне годилось.

Тут взгляд его упал на лестницу, ведущую на второй этаж. Посредине стояла Арьята в компании какого-то растрепанного юноши и отчаянно пыталась привлечь внимание своих спутников. Сообразив, чего она хочет, Шири поднялся из-за стола, походя бросив Илю:

– Тарелкухвати, и марш в комнату! – От благодушности Поводыря не осталось и следа.

Чародей хотел возмутиться по поводу необоснованного помыкания своей персоной, но под тяжелым взглядом «помыкателя» сник и, подхватив тарелку с порцией Арьи, двинулся к лестнице.

Оказавшись в комнате, девочка первым делом сграбастала у Иля тарелку и набросилась на еду, запустив зубы в сочную куриную ногу. Шири молчаливо нависал над ней, ожидая объяснений, но Смерть не спешила ни прояснять ситуацию, ни знакомить остальных со своим растрепанным спутником. Изголодавшая девчонка воздавала должное картошке с куриной ногой, здраво считая, что сначала нужно ублажить желудок, а там хоть потоп.

Шири не выдержал первым, решив – хватит с него философского терпения. Любопытство пополам с недовольством рвались наружу. Мало того что исчезла неизвестно куда, так еще и притащила с собой непонятно кого.

– Daeni, – в конце концов не сдержал любопытства он, – это кто?

– Фой шовый фыфыдрь, – прочавкала в ответ Арьята, не отрываясь от смачного обгладывания косточки.

– Что?

Смерть дожевала и покорно повторила. В этот раз куда более внятно:

– Это мой новый Поводырь.

– Что?! – Шири вытаращился сначала на Арьяту, затем на ничего не понимающего Эдана. Потом перевел взгляд на Иля и шумно выдохнул сквозь зубы.

– Сколько тебе лет? – обратился он к рыжеволосому пришельцу, втайне надеясь, что глаза его обманули.

– Шестнадцать, – буркнул Эдан.

– О господи, спаси и помилуй! – застонал Поводырь, закатывая глаза. От захлестнувшего его негодования он даже забыл про любимого «шайтана». – Детский сад штаны на лямках какой-то! И я в качестве надзирателя... Даeni, за что?

Арьята как раз закончила вылизывать тарелку и теперь думала, обо что бы вытереть жирные пальцы, поэтому горестный вопль товарища застал ее врасплох.

– А? Эти вопросы не ко мне. – Так и не найдя ничего похожего на салфетку, она попросту вытерла руки о покрывало, философски решив, что пятном больше, пятном меньше – роли уже не играет. – Это к нему, – девчонка ткнула пальцем в Эдана. – Может, хоть тебе он объяснит, почему ему вдруг загорелось стать Поводырем.

– Да не хотел я становиться ничьим Поводырем! Вот не было печали! – взвыл доведенный до истерики парень. – Я вообще ничего не хотел! Это все вы!

– Что «мы»? – вкрадчиво осведомился Шири, недобро поглядывая на паренька. – Daeni, потрудись объяснить, зачем ты притащила сюда этого... – Поводырь запнулся, силясь подобрать наиболее подходящее слово, – этого жалкого истеричного субчика? – закончил он.

Менестрелю ничего не оставалось, как со вздохом поведать спутникам душераздирающую, в чем-то бессмысленную, но, несомненно, поучительную историю знакомства с Эданом.

– Ша-айтан... – только и смог эмоционально выдать Поводырь, когда Арьята закончила излагать. – Заставь дурака богу молиться, он и лоб себе расшибет! – Шири нервно заходил по комнате. – Шайтан, а я так надеялся нормально выспаться!

– Спи, – благодушно разрешила Смерть.

– Daeni, не выводи меня, – предупреждающе прорычал он. – Насколько я понял, за вами гнались, пусть недолго, но все же... Если твой новый знакомый так нужен преследователям, то рано или поздно они выйдут на этот трактир, и тогда нам всем не поздоровится! Нужно уходить немедленно!

– Шири, не пори горячку, – поморщилась косвенная виновница происходящего, – мы все устали, нам необходим отдых. А Иль вообще сейчас никуда не может идти. К тому же тебе ли не знать, что взять мой след невозможно.

– Существует множество других способов... – проворчал он, понимая, что в случае чего Иля, скорей всего, придется тащить на руках либо бросить на растерзание врагам – юноша едва ковылял. Но второй вариант Поводырю совсем не нравился.

– Угу, куда более долгих и трудоемких. Так что мы вполне успеем выспаться и тихо уйти поутру, не ставя никого в известность, – усмехнулась менестрель.

Шири только укоризненно покачал головой.

Запавшую на мгновение тишину нарушил осторожный стук в дверь.

– Кого это принесло? – настороженно проворчал Поводырь, направляясь открывать.

– Может, хозяин проникся и принес тебе кошку? – иронично процедил Иль.

Решив не поддаваться на провокацию, Шири попросту распахнул дощатую дверь. На пороге, переминаясь с ноги на ногу, стояла давешняя подавальщица.

– Ой, добрый господин, – затараторила она, – там внизу люди вроде как из благородных господ все про госпожу менестрельку выпрашивают! Не по-доброму так выпрашивают... вот я и решила, пока хозяин их увещевает...

– Спасибо, красавица, – в руке у Поводыря неизвестно откуда возникла монетка, которая тут же перекочевала к девице, – а теперь брысь отсюда!

Подавальщицу будто ветром сдуло, а «добрый господин» поспешил захлопнуть дверь.

– И?... – не поняла Арьята.

– Внизу толпа каких-то агрессивно настроенных вояк трясет трактирщика, а бедолага усердно тычет пальцем в нашу сторону, – саркастически откликнулся Поводырь.

Эдан, все так же неприкаянно стоявший в углу, побледнел и в отчаянии сжал кулаки. Кажется, началось то, чего он так боялся: – отец все-таки выслал за ним погоню.

– Они всех убьют, – простонал он, – они всех вас убьют...

– Всех не перебьют, – отмахнулась менестрелька. – Меня убить невозможно, да и с Шири проделать подобное весьма проблематично. Вот разве только Иль...

Но ни сам Поводырь, ни его новоявленный подопечный уже не слушали разглагольствований Смерти, в четыре руки баррикадируя дверь и вышибая намертво заколоченное окно, благо оно выходило на соседнюю улицу. Пересекая комнату в очередной раз, Шири цапнул Арьяту за ворот и хорошенько встряхнул.

– Эй, ты чего творишь, окаянный! – взвизгнула она.

Вместо ответа верный Поводырь подтащил свою вedomую к оконному проему.

– Лезь давай, – прошипел он, подталкивая девчонку к подоконнику.

– Э-э-э, полегче... Я с тобой еще поговорю по душам!... Да, и гитару мою не забудь! – Уже наполовину скрывшись в проеме, напутствовала она.

– Даєні, брысь отсюда! – беззлобно огрызнулся Шири, подхватывая инструмент за лямки и передавая его в окно.

– Теперь ты! – он рывком подтащил к подоконнику упиравшегося Эдана. Тот отрицательно мотал головой и пытался ухватиться руками за оконные откосы. – Пшел, быстро! – прорычал Поводырь, заталкивая его в окно. – Даєні, лови этого нервного! Иль, твоя очередь!

Юный чароплет, со вздохами и постанываниями (давали о себе знать стертые ноги), полез наружу.

Окинув взглядом комнату и прислушавшись, Шири четко различил шаги на лестнице. Дверь ощутимо нервно дернулась, а затем задрожала под тяжелыми ударами. Две доски с хрустом прогнулись в комнату. Схватив валявшийся на кровати плащ, Шири поспешил ретироваться вслед за остальными, уже на улице вспомнив про забытый в трактире рюкзак.

«...Шайтан с ним, – утешил он себя. – Вещи – дело наживное, тут бы ноги унести...»

Ранее выпрыгнувшая компания успела достаточно далеко отойти от трактира, и ему пришлось догонять.

– За каким шайтаном вы свернули к воротам?! – прошипел он, хватая Арьяту за плечи и разворачивая в сторону какой-то темной улочки. – Стражу наверняка оповестили!

– Уходим огородами, да? – озорно усмехнулась Смерть, но вдруг заметила, что Поводырь догнал их налегке. Потрепанный рюкзак исчез! – Шири, в трактире остались наши вещи! – воскликнула она.

– А то я не знаю, – фыркнул он. – Лишний груз сейчас не к месту, нам вполне хватит твоей гитары.

– Вот вредина! – проворчала менестрель, пытаясь вспомнить, что еще лежало в рюкзаке товарища, кроме пары одеял и аптечки. По всему выходило, что ничего важного они не потеряли, а утрату вполне реально восполнить в ближайшем городе.

Пасмурная ночь, раскинувшая над землей свой полог, хоть и играла на руку беглецам, но все-таки доставляла и некоторые проблемы. Влажная брусчатка скользила под ногами. Один неосторожный шаг – и можно спокойно растянуться в полный рост, хорошенько приложившись о камни. Луна, стыдливо выглянувшая сквозь узкий разрыв в тучах, тут же застеснялась и спряталась обратно. Широкая улица сменилась множеством мелких узких переулков, разбежавшихся между дворами. Брусчатка уступила место открытой земле.

– За нами идут, – вдруг сообщил Иль, настороженно озираясь, – ох, не нравится мне все это...

– Шайтан, – прошипел Поводырь, – бежим отсюда!

Сорвавшись с места, они углубились в темные путаные улочки, утопавшие в палисадах и живых изгородях, таинственно шелестевших во тьме. На очередном повороте Иль чуть приотстал, спустив поисковый импульс.

– Что ты застыл столбом? – Шири соткался из темноты у него за спиной, заставив чародея нервно вздрогнуть и шарахнуться в сторону.

– Ф-фу! Нельзя же так пугать! – сдавленно возмутился он. – За нами по-прежнему идут, как по нитке!

– Шайтан! Близко?

– Ну... пара лишних минут у нас есть...

– Daeni!

Арьята возникла из тьмы так же бесшумно, как и ее верный Поводырь.

– Мы должны разделиться, – продолжил Шири, – хватай этого малахольного за шкуру и уходите на крыльях ветра.

– Вообще-то мы все можем... – попыталась возразить менестрель.

– Мы – да, Иль – нет. Он живой человек, забыла?

– Э-э-э... – юный маг деликатно постучал Поводыря по плечу, – я и сам могу выбраться...

«Нет, этот... колдун... когда-нибудь его доведет!»

– Ты так хочешь, чтобы я доставил в Белгородно твоё хладное тело и проследил, как мастер-демонолог убивается над любимым чадом? – саркастически осведомился Шири.

– Да лучше бы я через пустошь пошел! – в сердцах воскликнул Иль.

Из-за поворота выскользнули шарящие лучи фонарей, послышались голоса, лай собак.

– Бежим! – гаркнул Шири. – Daeni, уходите!

– Уже! – весело откликнулась Арьята, хватая Эдана за руку и взмывая ввысь.

Поводырь вместе с Илем кинулись вниз по улице, свернули на первую попавшуюся тропинку, уводящую сквозь разросшуюся живую изгородь. Очень скоро выяснилось, что изгородь состояла не только из кустов, но и из буйно разросшейся крапивы, огненной плетью хлестнувшей Поводыря по открытым рукам. Над головой просвистело несколько арбалетных болтов. Старинная каменная кладка, некогда являвшаяся городской стеной, вынырнула из темноты так внезапно, что Иль едва не влетел в нее носом.

– Шайтан! – выругался Шири, треснув кулаком по серым шершавым камням. – Пережитки прошлого, чтоб его!

– Может... обойдем... – тяжело дыша, спросил Иль.

– Куда? Я не знаю, в какую сторону она кончается, а в этих кустах может обнаружиться что угодно, от крапивы и вплоть до наших преследователей! Только насквозь!

Заросли за их спинами трещали все громче. Треск сопровождался разноголосым матом и шипением. Видно, люди барона тоже близко познакомились с жалящими кустиками.

– Колдуй давай! – как-то неуверенно приказал Поводырь.

– Э-э? – опешил юноша, не ожидавший от него такой подлянки.

– Ну, ты же у нас великий колдун, одним движением уха швыряющий оземь кого ни попадя! – вспыхнул одноглазый.

– Ну, ты и сволочь! – протянул парнишка.

– Ты забыл добавить «мастер», – ехидно осклабился Шири.

– Да иди ты знаешь куда!

– Я бы с удовольствием, но только вместе с тобой. Бросать не велено. Кстати, погоня уже близко, поэтому не вздумай сказать, будто ты не умеешь ходить сквозь стены.

– Вообще-то не умею, – криво ухмыльнулся Иль, с удовольствием наблюдая, как вытягивается и перекашивается физиономия Поводыря Смерти. – Специальность не та. Но тебе исключительно повезло, мастер.

Слово «мастер» прозвучало уничижительно, словно плевок. Поводыря передернуло. А его подопечный тем временем воткнул в стену телепортационный амулет... Камни подернулись дымкой, и в них замерцал синеватый квадрат межпространственного перехода.

Свистнули в воздухе арбалетные болты. Коротко ругнувшись, Шири кинулся вперед и, схватив опешившего мага в охапку, провалился в межпространственный портал. Болты чиркнули по старой кладке, высекая искры. Портал выплюнул их по ту сторону стены. Земля ушла из-под ног, срываясь вниз крутым склоном рва, некогда опоясывавшего город. Прижимая к себе Иля, Шири стремительно покатился вниз, сквозь заросли колючей мелкорослой черемухи. Здесь заброшенный ров оказался довольно глубок, а корявый склон как нельзя лучше подходил для экстремального спуска в обнимку.

«Только бы парня не сильно помяло... – мелькнула у него слегка запоздавшая мысль, – ...или не парня?...! У парней ведь, кажется, нет женской груди? Маленькой такой, но упругой, гм...» – А дальше затянутое тучами небо смешалось с землей в единой круговерти.

Склон кончился внезапно. Прокатившись по инерции еще несколько метров, они наконец-то остановились. Поводырь все еще прижимал к себе подопечного (подопечную?), пытаясь сообразить, на каком он свете, ошеломленный не столько падением, сколько новоявленными подробностями.

Иль, поняв, что они больше никуда не падают, попытался откатиться от непрошеного защитника, но не тут-то было. Пальцы Поводыря цепкими клещами сомкнулись на воротнике куртки, не давая подняться.

– Так, – хрипло произнес Шири. – Говори немедленно: ты девушка?!

– Э... по-моему, не совсем тактично задавать подобные вопросы, лежа друг на друге в кустах... – попытался вывернуться маг.

– Тактичность никогда не являлась моей сильной стороной. Еще раз, четко и внятно: ты девушка?!

– Да я и не утверждала, что я парень! – философски пожала она плечами. – Это ты почему-то так решил. Не в моих правилах разрушать другим приятные заблуждения...

– С поганой овцы хоть шерсти клок, – пробормотал Шири. – Как тебя зовут на самом деле?

– Илька, то есть Иленка, – буркнула девушка – Мне девятнадцать, и, если тебя это по-прежнему столь сильно интересует, – да, я девушка! – она перестала дергаться в попытках освободиться, и Поводырь мигом сообразил, что не такая уж девушка и легонькая.

– Господи, девятнадцать лет, а уже такая язва, – вздохнул он, подумывая, как бы побыстрей спихнуть вальяжно разлегшуюся на нем Иленку.

– По-моему, это не та тема, которую нужно обсуждать лежа на пузе в колючках...

– ...не уточняя при этом, на чьем пузе, ох...

Чародейка опять беспокойно завозилась.

– Так прекрати прижимать меня к себе, словно последнюю радость в жизни! – огрызнулась Иленка, пытаясь отстраниться. – Я ведь и испепелить могу! Не всего, а так, местами, чтобы неповадно было...

Какие именно «места» она собиралась подвергнуть термообработке, Шири уточнять не стал, а просто спихнул воинственную магичку на землю, решив, что полежала немножко, пора и честь знать.

– Ну, ты и гад! – возмутилась Иленка, шлепнувшись спиной на поломанные колючие ветки, – хоть бы руку даме подал.

– Перетопчешься, – фыркнул Поводырь, вставая на ноги. – Нужно отыскать daeni и этого рыжего сопляка. Надеюсь, хоть он не окажется переодетой барышней! Господи, зачем вы все свалились на мою голову?!

* * *

Отряд из восьми человек и своры собак, возглавляемый лично самим бароном Тарницей, приблизился к остаткам стены, сквозь которые мгновение назад скрылись беглецы. Примятая ими трава еще не успела распрямиться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.